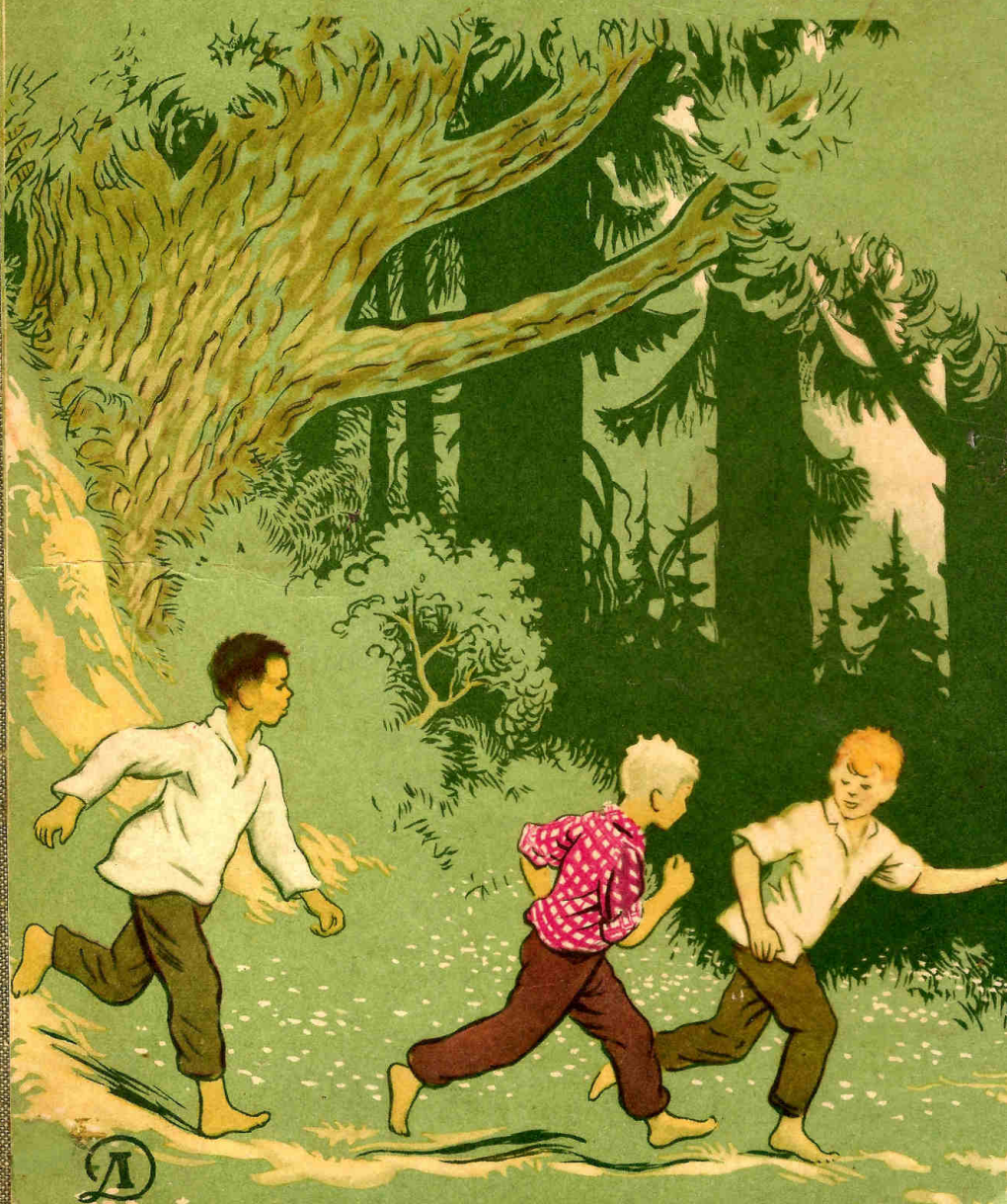

В. БАТАЛОВ

АНТИПКА ДАРИТ ЖУРАВЛИНОЕ ЯЙЦО

В. БАТАЛОВ
АНТИПКА ДАРИТ
ЖУРАВЛИНОЕ ЯЙЦО

П О В Е С Т Ь

Перевод с коми-пермяцкого
ВЛ. МУРАВЬЕВА

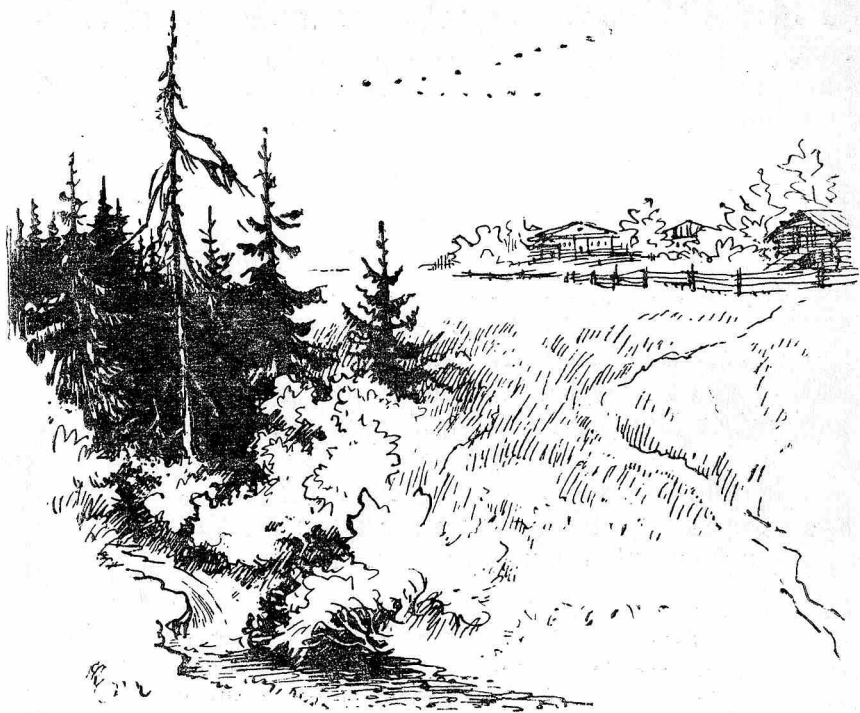
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
МОСКВА 1966

В небольшой коми-пермяцкой деревушке Мичашор появился новый человек — внук бабки Матрёны, пятиклассник Серёжа. Он приехал к бабушке из Перми на летние каникулы.

Здесь Серёжа познакомился с очень хорошими ребятами. Об их дружбе, о весёлых приключениях, об охоте на ястреба и о многом другом прочтёте вы, ребята, в этой книжке. В. Баталов с большой теплотой и любовью рисует и своих маленьких героев, и природу родного края — Коми-Пермяцкой автономной области.

Обязательно прочтите эту книжку и пришлите свои отзывы по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Рисунки В. Горячева

Глава первая ■ МИЧАШОР

По коми-пермяцки деревня называется Мичашор. По-русски Мичашор значит Светлый ручей.

Мичашор — большая деревня. Конечно, не такая уж она большая, как, скажем, районный центр, где есть двухэтажные и трёхэтажные каменные дома, но всё равно большая.

Есть в Мичашоре клуб, школа, ясли, почта. Телеграфа, правда, нет, но зато по телефону можно поговорить даже с Москвой. Есть в Мичашоре и свой магазин сельпо. В нём продаются продукты, промышленные и хозяйственные товары.

Зимой, когда всё вокруг покрыто снегом, кажется, что Мичашор стоит посреди ровного поля. Столько наметёт, нанесёт снега и так сгладит окрестности, что ни одного овражка, ни ложкѣ, ни ямы не увидишь, словно бульдозер прошёл. А верхушки ёлочек и берёзок, которые растут по склонам заметѣнных овражков, торчат из-под снега такие маленькие, тонкие, будто они всего первый год как показались из земли.

И только большой овраг, протянувшийся вдоль всей деревни, не заваливает с краями. Уж очень он глубокий, широкий и длинный. Чтобы его засыпать, надо много-много снега.

Этот овраг мичашорцы называют Косым. Когда и почему его так называли, сейчас никто в Мичашоре не помнит. Спрашивай не спрашивай — всё равно ответа не дождёшься: просто повелось с давних пор — Косой да Косой.

Скорей всего, его называли Косым потому, что он не прямо идёт, а загибается вроде огромной простой скобки, каких полно в любом учебнике по арифметике.

Начинается Косой овраг примерно в километре от Мичашора.

Там он узкий и неглубокий, как самая обыкновенная канава, вроде тех, что роют вдоль шоссейных дорог. Но добраться к началу Косого оврага не так-то легко. Там растёт такой густой ельник, что не пройдёшь и десяти шагов — весь исцарапаешься.

Ближе к деревне овраг с каждым метром становится всё шире и глубже, а ельник редее. По склонам овражков и ложков, которые ответвляются от Косого

оврага, до самого Мичашора тянутся цепочки ёлочек и берёзок, но они так и не выбираются наверх, на широкое поле, которое Косой овраг огибают двумя своими концами.

У этого поля тоже есть своё название — Каравай-поле. Не потому, конечно, что хлеб на нём растёт прямо караваями, а потому, что оно похоже на высокий, круглый каравай деревенского хлеба.

Нынче в Мичашор весна пришла ранняя, быстрая, как будто она нарочно торопилась, боясь опоздать.

Первые же тёплые апрельские дни быстро убрали сугробы у домов и изгородей. Каравай-поле на взгорье оголилось и почернело. В лесочках вдоль Косого оврага снег держался ещё с неделю, но и он потом обмяк и растаял. Тоненькими струйками талая вода побежала в овраг. Ручей на дне оврага разбух, поднялся, как ноздреватое тесто в квашне, разлился, забурлил, побежал, неся в Иньву потемневшие обломки льда и глыбы снега. Подмыв и выдернув изгородь напротив поля, он уволок её вместе со льдом и снегом.

Так бывает почти каждую весну: унесёт полой водой изгородь, а как вода спадёт, дед Никанорыч снова её ставит, чтобы скотина не лезла на посевы.

Целую неделю стремительным потоком бурлила в овраге мутная вода. Казалось, она злилась на то, что высокие берега теснят её и не дают разлиться ещё шире.

Потом вода спала, ушла в Иньву. И тогда взволновалась Иньва, вышла из берегов, залила луга вокруг на несколько километров. А ручей в овраге снова стал маленьким, светлым ручейком, ласково журчащим по мелкой гальке. Посмотришь на него, и даже не верится, что совсем недавно он бушевал и бился в берега, грозил унести с собой всё, что попадётся ему на пути.

Во тьме оврагов, под нависшими обрывами и под тёмными елями ещё лежали сугробы снега. Они осе-

дали медленно, и над ними снежными грибочками возвышались заячьи и лисьи следы. И тут же, рядом с поглубевшими сугробами, уже появились стайки белых цветочков — первых подснежников.

Но вот и Иньва отбушевала, вернулась в берега. Яркой зеленью зазеленели луга. Зазеленели, а потом побелели черёмухи над ручьём и под окнами. Ничего уж не осталось от зимы — ни снега, ни холода.

Правда, в самой глубокой чаще, в самых глухих, потаённых местах ещё долго будут прятаться редкие одинокие сугробы, словно зайцы, не успевшие сменить своих зимних шубок. Но и они, придёт время, растают. •

Оказывается, не так уж ровно и гладко вокруг Мичашора: повсюду ложки да овражки, рощицы да перелески. Да и обе улицы деревни протянулись по двум противоположным склонам оврага.

Все мичашорские дома стоят среди пышных черёмух, рябин и берёз. В Мичашоре любят деревья. Пожалуй, во всей деревне не найдёшь ни одного дома, под окнами которого не было бы посажено что-нибудь заботливыми руками хозяев.

Тут растут и раскидистые яблони, и колючий крыжовник, и стройные пушистые кусты ирги.

Лет двадцать назад в Мичашоре не знали, что такое ирга, в глаза её не видели. Когда колхозный садовод привёз из Мичуринска несколько семечек ирги и посадил их в колхозном саду, к его затее отнеслись с недоверием. «Разве будет эта ирга у нас расти? — сомневались мичашорцы. — Там, откуда она родом, — в Канаде и на Северном Кавказе, — небось не бывает таких морозов, как в Мичашоре, по сорок да по пятьдесят градусов. Нечего тут и опыты устраивать, время тратить».

Но садовод никого не слушал, он прилежно ухаживал за маленькими кустиками. Кустики поднялись, вытянулись вверх, разрослись. А когда с них был со-

бран первый урожай сочных красно-синих с сизым налётом кисловатых ягод, то ирга сразу перебралась чуть ли не в каждый палисадник.

Теперь, посмотришь, у иного перед домом куст ирги метра в три высотой вымахал. Прижилась ирга в Мичашоре. Весной она красуется, окутанная, как пухом, белым цветом, осенью радует глаз ярко-жёлтой и огненно-красной листвой и багровыми ягодами. Теперь мичашорцы собирают с одного куста по нескольку ведер ягод.

Хорошо, красиво в Мичашоре!

Но хорошо и красиво не только в самой деревне — вокруг неё тоже красивые места.

За Мичашором Косой овраг становится глубже и шире, и тянется он ещё примерно на километр, до самой Иньвы. Тут рощицы и перелески совсем пропадают. Зато всё выше и круче поднимаются берега над ручьём, и на том месте, где ручей впадает в Иньву, овраг образует высокий, крутой песчаный обрыв.

Иньва — река не маленькая. Шуки в ней водятся длиной больше метра. В ясный летний день из глубоких ям всплывают на поверхность краснопёрые голавли. Они стоят, как поленья, на одном месте и греют на солнышке широкие лбы. А чуть заметят что-то подозрительное, уходят в глубину. Это очень осторожная рыба. За голавлями нужно долго охотиться, и редко когда удаётся поймать голавля на удочку.

То ли дело ловить пескарей. Эти ничего не боятся. Зайдёшь в воду по колено, встанешь, а пескари уж тут как тут — тычутся в ноги мягкими тупыми носами, щекочут. Спускай леску с пустым крючком — и то поймаешь.

От мичашорской школы Иньва видна как на ладони. Видны её густо заросшие ивняком берега, широкие луга за рекой и чернеющее вдали болото. Это болото носит название Турипоз — Журавлиное гнездо. В болоте и впрямь много журавлей. Весной

по утрам, когда ребята идут в школу, они всегда слышат доносящееся с болота журавлиное «курлы-курлы, курлы-курлы».

А летом журавлей не услышишь, хотя живут они на болоте до самой осени, там гнездятся, выводят птенцов. В это время у них много забот, им не до песен, а может, боятся выдать криком место гнездовья. Они гнездятся обычно в глухих местах, куда не ступала нога человека, поэтому мало кто видел журавлиное гнездо.

Но осенью, когда журавлята подрастут, на болоте снова начинается настоящий журавлиный базар — только и слышно: курлы-курлы, курлы-курлы! И так до глубокой осени, пока они не подымутся всей стаей высоко в небо и с печальным, прощальным курлыканием, растянувшись длинным острым углом, не улетят на юг...

Летом в Мичашоре лучше всего. У зимы, конечно, тоже есть свои достоинства. Летом, скажем, не покатаешься на коньках, на лыжах или на санках, зимой же — пожалуйста, катайся сколько влезет.

Зато зимой нет ягод и грибов. А летом в Мичашоре, только выйдешь за деревню Косым оврагом, тут тебе и земляника, и малина, и смородина. А грибов за полчаса наберёшь целую корзину: подберёзовиков, подосиновиков, груздей, рыжиков, сыроежек. И белых, конечно. А хочешь, иди с удочкой на Иньву.

Да мало ли интересного летом в Мичашоре!

Глава вторая ■ ЗНАКОМСТВО

В Мичашоре появился новый человек.

Первым из мичашорских мальчишек узнал об этом Антипка Порошин.

Ранним утром из окна своего дома он увидел не-

знакомого мальчишку в трусиках и майке, который с полотенцем через плечо спускался по тропинке к ручью.

«Кто такой?» — подумал Антипка и тут вспомнил, как соседка — бабка Матрёна — говорила его матери, что к ней из Перми должен на две недели приехать внук.

«Он и есть! Больше некому, — решил Антипка. — Надо Фимке поскорее сказать, не то он потом станет хвалиться, что первым увидел городского мальчишку».

По-настоящему Фимку зовут Ефим. Но все ребята зовут его просто Фимкой. А что Фимка с Антипкой неразлучные друзья, об этом знает вся деревня. Даже взрослые прозвали их «нитка с иголкой», и это прозвище прилипло к ним, как масляная краска к белой рубашке, когда нечаянно прикоснёшься к свежепокрашенной двери.

Фимка и Антипка живут через улицу, окна их домов смотрят друг на друга. Если нужно, ребята могут переговариваться через закрытые окна с помощью пальцев. Один палец, приложенный к стеклу, означает «экстренный вызов», два пальца — «бери сумку, пора в школу», а три — «выходи гулять». Только перед этим надо позвонить по телефону, чтобы предупредить, что сейчас будет подан условный знак. А «телефон» этот устроен так: через улицу от дома к дому протянута крепкая нитка, на одном конце которой пустая катушка, на другом — спичечный коробок. Покрутишь катушку — затрещит в коробке, значит, беги к окну, смотри, какой будет подан условный знак. Просто, удобно, а главное — интересно.

Но сегодня Антипка не стал «звонить», он опрометью бросился из дому и побежал через дорогу.

— Я первый увидел! — торжествующе крикнул он, открывая дверь Фимкиной избы.

Фимка был дома один. Он сидел у стола и пил молоко.

— Чего увидел? — спросил он.

— Не чего, а кого. Городской приехал. К бабке Матрёне.

— Какой ещё городской?

Антипка, видя, что Фимка отнёсся к его новости довольно равнодушно, ответил упавшим голосом:

— Внук к ней приехал.

Но тут Фимка заинтересовался:

— Внук? Так бы и сказал сразу.

Антипка радостно затараторил:

— Помнишь, я тебе рассказывал, что бабка Матрёна говорила моей матери: «Нынче, мол, внучек из города ко мне приедет»? Вот он и приехал. Сейчас к ручью умыться пошёл. Идёт себе чинно-важно, полотенце на плечо повесил. Серьёзный такой...

— А ну, пойдём поглядим! — сказал Фимка и, быстро допив молоко, поставил чашку на стол.

Они побежали через огород, перелезли через изгородь и мимо рябин и черёмух кустами спустились в овраг к ручью. Фимка осторожно раздвинул ветки. Сверкнула вода. На мостках стоял мальчик лет десяти-одиннадцати.

Вот он наклонился над ручьём, плеснул себе на грудь и на спину несколько пригоршней воды, фыркая, растёр воду ладонями и снова наклонился над ручьём.

— Плещется, как утка, — шепнул Фимка. — Воды, что ли, никогда не видел?

Он оглянулся, поискал глазами еловую шишку, поднял её и кинул в мальчика. Шишка упала, не долетев до ручья. Антипка молча сунул в руку Фимке другую шишку. Эта шишка шлёпнулась в воду перед самым носом Матрёниного внука.

Мальчик осмотрелся кругом, но, понятно, никого не увидел. Он вытерся, натянул майку и, глядя под ноги, чтобы не наколоться, пошёл вверх по тропинке.

Фимка мигнул Антипке, и они через кусты побежали ему наперерез.

Выбежав на тропинку, друзья встали рядом, перегородив мальчишке дорогу.

Матрёнин внук остановился, не дойдя до них трёх шагов, и изучающе посмотрел сначала на высокого черноволосого и смуглого Фимку, потом на белобрысого Антипку, макушка которого едва доставала до плеча друга.

Антипка и Фимка тоже рассматривали городского. Бледный, голубоглазый, с рыжеватым чубчиком мокрых волос, он был, пожалуй, ниже Фимки, но выше Антипки.

Фимка уже открыл было рот, собираясь сказать городскому мальчишке что-нибудь обидное и тем самым раз и навсегда поставить его на место, чтобы не вздумал задаваться, как вдруг тот сдвинул рыжеватые брови и строго спросил:

— Это вы кидались шишками?

Друзья переглянулись.

— Ну, мы,— процедил Фимка сквозь зубы.— Дальше что?

Мальчик пожал плечами.

— Ничего. Просто я подумал, какой это дурак кидается.

Фимка нахмурился.

— Вот я тебе сейчас покажу «дурака»...

— Драться хочешь? — спросил мальчишка.— Давай. Только здесь неудобно.

Он кивнул на тропинку, поперёк которой, точно огромные змеи, протянулись толстые, выступившие из-под земли корни деревьев.

— «Неудобно»!.. — насмешливо протянул Фимка, сунув руки в карманы.— Я вижу, у тебя уж коленки затряслись. Ладно, не бойся. Дядя пошутил.— Он хитро подмигнул Антипке и снова повернулся к мальчишке: — А ну, пойдём с нами!

— Драться хочешь? — спросил мальчишка. — Давай. Только
здесь неудобно.

Все трое перелезли через изгородь и огородам прошли во двор Фимкиного дома.

Не вынимая рук из карманов, Фимка ногой небрежно выкатил из-под крыльца железную палку, длиной с полметра и в руку толщиной.

— Что это такое? — кивнув на палку, спросил мальчик.

— От конной молотилки, — с готовностью отозвался Антипка. — С гумна притащили...

— Неважно, что это такое, — прервал его Фимка. — Вот, гляди!

Он наклонился, взялся за палку правой рукой, расставил ноги и рывком поднял её на уровень плеча.

— Антипка, считай! — приказал он и, надув щёки, сдвинув и без того почти сросшиеся чёрные брови, не спеша, уверенно стал раз за разом поднимать железную палку на вытянутую руку.

Антипка, удовлетворённо покачивая головой, громко и отчётливо считал:

— Четыре... семь... двенадцать... девятнадцать... двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь, двадцать восемь! — с азартом выкрикнул он последнюю цифру.

Фимка бросил палку. Она тяжело ударилась о землю.

— Видал? — торжествующе спросил у мальчишки Антипка. — У нас в Мичашоре Фимка больше всех выжимает.

Фимка, тяжело дыша, привычным движением сунул руки в карманы и, кивнув на палку, предложил мальчишке:

— А ну, попробуй ты.

Мальчишка снял с плеча полотенце, отдал его Антипке, немного подержал железную палку, определяя тяжесть, потом рывком поднял её выше головы и выпрямил руку.

Антипка снова начал громко считать:

— Раз, два... шесть... десять... четырнадцать... восемнадцать...

После двадцати голос Антипка становился всё тише и тише.

Мальчишка выжимал палку медленно, с трудом, но не сдавался. Он покраснел от напряжения, его поднятая рука дрожала, как ивовый прут в быстрой воде.

— Двадцать шесть, двадцать семь, двадцать восемь... — Последнюю цифру Антипка произнёс еле слышным шёпотом и недоуменно и растерянно взглянул на своего друга.

— Бывает, — сказал Фимка. — Да она и не такая уж тяжёлая, эта железяка...

Мальчишка медленно опустил палку на землю и, помахивая рукой от усталости, сказал, тяжело дыша:

— Мы с папой дома с гантелями тренируемся каждое утро.

— Сразу видно, что натренированный! — с уважением глядя на мальчишку, сказал Антипка. — Тебя как зовут?

— Серёжа. А тебя?

— Сергей, значит. А меня Антипка, а его — Фимка. Мы в пятый класс перешли. А ты?

— И я в пятый!

— Отличник небось? — прищулив глаз, спросил Фимка.

Серёжа кивнул.

— Вот я загадаю тебе одну задачку — ни за что не решишь! Хочешь?

— Давай!

Антипка знал, какую задачку задаст Серёже Фимка, он и в школе донимал ею всех ребят. Поэтому он не стал слушать, а взял железную палку и покати её обратно под крыльцо.

— Значит, так, — говорил между тем Фимка. — В десятилитровой банке молоко. Две другие банки — семилитровая и трёхлитровая — пустые. С помощью

этих пустых банок разлей молоко пополам, по пять литров.

Серёжа задумался.

— Не старайся,— подходя, сказал Антипка.— Её так сразу не решишь. Она не то чтоб очень трудная, но и не простая. В общем, возьми дома бумагу и карандаш, тогда, может, решишь...

— Ой,— спохватился Серёжа,— мне ведь домой надо, а то бабушка хватится. Я пошёл.

— Эй! — крикнул ему вслед Антипка.— Хочешь, пойдём завтра пескарей ловить?

— Хочу! — обернувшись на бегу, радостно кивнул Серёжа.— Я с собой удочку привёз.

Он убежал, а Фимка повернул к Антипке недовольное лицо:

— На кой ты его позвал? Возись теперь сам с ним!..

— А чего с ним возиться? — возразил Антипка.— Чай, не маленький!

— Знаю, что не маленький. Только он небось, каким концом удочку держат в руках, не знает. Где ему было в городе рыбачить?

— погоди, может, он ещё больше нашего наловит! — возразил Антипка.

— Ну уж больше меня-то не наловит,— самодовольно сказал Фимка.

— И чего ты, Фимка, так любишь хвастаться? — вдруг спросил Антипка.— Просто слушать противно!

Фимка опешил.

Он дружил с Антипкой сколько себя помнил, и всегда Антипка признавал его, Фимкино, над ним превосходство, всегда Фимка был первым и главным. А теперь не успел приехать этот мальчишка из города, как Антипка стал подлизываться к нему: «Как тебя зовут?» да «В каком ты классе?»

Фимка сплюнул и снова засунул руки в карманы.

— Ну ладно, завтра посмотрим!

Глава третья ■ ТАК НЕ ЧЕСТНО!

Под старой кучей гнилых щепок Фимка накопал мелких и вёртких красно-бурых червей с острым навозным запахом.

«Такие в самый раз,— удовлетворённо думал он, вывалив червей из консервной банки на ладонь и разглядывая их.— Против такого червя ни одна рыба не устоит, даже лещ...»

Фимка с Антипкой шли по улице, держа удочки на плечах. Поравнявшись с домом бабки Матрёны, Фимка сунул удочку под мышку, заложил в рот четыре пальца и пронзительно свистнул. Серёжа выбежал из ворот, держа в одной руке складную бамбуковую удочку, другой прижимая к животу три яблока.

— Держите, ребята! — весело сказал Серёжа, подбегая к товарищам и показывая на яблоки.— Как раз всем по одному.

Фимка неприязненно оглядел его с ног до головы — с блестящих, начищенных ботинок до красного берета на макушке:

— Не ем сладкого.

Серёжа растерянно посмотрел на Антипку, но тот, взглянув на Фимку, сказал:

— И я не люблю.

Серёжа принялся рассовывать яблоки по карманам. Кинув взгляд на босые ноги приятелей, он с сомнением поглядел на свои ботинки.

— Вы босиком идёте? Тогда я тоже разуюсь.

Серёжа побежал обратно в дом, а Фимка насмешливо фыркнул:

— Как девчонка — в красной шапочке, яблочками угощает. Смотрите, какой я добрый! А потом скажет: научите закидывать удочку да помогите нацепить червяка. Не надо нам его яблок, правда?

Антипка не успел ответить, как вернулся Серёжа, теперь уже босиком и без яблок.

— Пошли!

Некоторое время шли молча, потом Серёжа спросил:

— Окунь в вашей реке водятся?

— Сколько хочешь, — отозвался Фимка. — Я как-то раз в прошлом году нацепил на крючок пескарика, закинул. Смотрю, поплавка не видно. Я тянуть. Ан нет, не тут-то было — не тянется. Ну, думаю, замотал пескарик леску за корягу. А тут леска сама пошла в сторону. Я смекнул, что кто-то сидит на крючке. Я опять тянуть. Леска аж звенит, а вытащить не могу. Что ж ты думаешь? Окунь попался! Минут десять я с ним возился, пока на берег выволок. Полосатый, во-от такой! — Фимка, показывая, какой величины был окунь, развёл руки на целых полметра.

Серёжа восхищённо покачал головой:

— Леска, наверное, толстая была.

— Ещё бы! На тонкую такого горбача не вытащишь.

Антипка незаметно дёрнул Фимку за рукав, мол, ври да знай меру. Уж кто-кто, а он, Антипка, знает, какого «горбача» вытащил Фимка — небось вместе рыбачили, сам видел того окунишку.

Но Фимка лишь подмигнул: «Молчи. Пусть этот городской знает, с кем имеет дело».

От Мичашора до Иньвы немногим больше километра. По Косому оврагу ребята спустились к берегу Иньвы, к тому месту, где в реку впадает Светлый ручей. Чуть повыше устья ручья — брод. Место здесь совсем мелкое — мальчишки свободно переходят ручей, не замочив штанов. От одного и другого берега в реку далеко вдаются полосы галечника.

Ребята сбежали с берега на гальку.

Фимка повёл их к заливику между нижним концом галечника и крутым берегом. Тут, в небольшой ямке, течения совсем не было, вода еле заметно двигалась вкруговую.

— Это наше заветное местечко,— разматывая удочку, сказал Фимка.

— Здесь пескарей много,— добавил Антипка.— А вот окуни и голавли редко попадаются.

Пескарей в ямке и впрямь было много. Не успел Фимка закинуть удочку, как тут же вытащил небольшого пескарика.

— У-у, обжора! Всего червяка сожрал.

Серёжа всё ещё налаживал удочку.

— Я для пескарей дождевых червей накопал,— сказал он.— Дождевого не скоро съедят. Нацепишь червя и таскай на него. Берите,— он пододвинул к ребятам консервную банку с червями,— тут всем хватит.

— Мы всегда на мелких удим и с хорошим уловом бываем,— сказал Фимка.— Правда, Антипка?

Антипка кивнул.

Серёжа закинул удочку и тоже поймал пескаря. Потом, не меняя червя, а лишь слегка поправляя его, чтобы не высовывалось жало крючка, вытянул второго, третьего, четвёртого...

Ребята сначала с удивлением, а потом с завистью смотрели, как, в то время пока они меняют насадку, Серёжа успевает вытащить пескаря, а то и двух.

Наконец Антипка не выдержал.

— Сергей, дай и мне дождевого,— попросил он.

— Я же говорю, берите. Мне не жалко.

Когда первый азарт прошёл, Серёжа огляделся вокруг.

На реке было тихо. Только иногда всплёскивала волна да щебетали птицы. Глинистый обрыв был весь испещрён маленькими чёрными дырочками, возле которых, как пчёлы возле улья, сновали береговые ласточки, то залетая в свои гнёзда-норки, то стремительно вылетая из них и теряясь в общей стае.

А вот откуда-то прилетел со свистом длинноклювый бекасик, весь серенький, как воробей. Он, навер-

ное, не заметил рыбаков, потому что сел в пяти шагах от них и, подпрыгивая на своих высоких тонких ножках, вошёл в воду.

Серёжа впервые в жизни видел бекаса так близко и теперь, не дыша, наблюдал за ним.

Вот бекастик вытащил свой длинный клюв из воды, повернул глазок в сторону ребят, увидел, испугался и улетел.

Потом Серёже на глаза попала ещё одна птичка — трясогузка. Белобокая, как сорока, она вылетела из кустов противоположного берега и стала кувыркаться над самой водой, гоняясь за какой-то мошкой. Наконец поймала и, держа её в клюве, улетела обратно в кусты.

— Тащи, Серёга! — услышал он над самым ухом Антипкин голос. — Ворон ты, что ли, считаешь? Поплавок-то под воду ушёл!

Серёжа дёрнул удочку. На конце лески трепыхалась полосатая рыбка.

— Смотри, окунька поймал! — обрадовался Антипка.

— Это случайно, — отозвался Фимка. — Просто ему повезло. Айда вверх по реке немного поднимемся. Там окуня больше, поглядим, сколько он там поймаёт.

— Давай лучше здесь пескарёй ловить, ведь хорошо клюёт, — запротестовал было Антипка, но Фимка, не слушая его, уже карабкался вверх по крутому берегу, держа в одной руке удочку, а в другой нанизанных на нитку пескарёй.

Не разбивать же компанию! Антипка и Серёжа пошли следом.

Пройдя немного вдоль берега, Фимка остановился и, кивнув Серёже, сказал:

— Вот здесь попробуй. Тут рыба всегда держится. А мы с Антипкой чуть выше пойдём.

Серёжа сел на берегу, стал разматывать удочку.

— Зачем ты велел ему рыбачить в том месте? — спросил Антипка. — Там же коряги. Ты же сам в прошлом году здесь леску оборвал, забыл, что ли?

— Я-то не забыл, но ведь он не знает, что там коряги. Пусть теперь попробует поймать больше нас!

— Так не честно! — сказал Антипка.

Но тут они услышали отчаянный крик:

— Ребята-а!

Друзья переглянулись и побежали обратно.

Навстречу им шёл Серёжа, держа в руке сломанное удилище.

— Ну что, горе-рыбак? — насмешливо спросил Фимка. — Много поймал?

Серёжа вертел в руках удилище и, казалось, не замечал насмешки.

— Я только закинул, как сразу же крючок за что-то зацепился. За корягу, наверное. Стал я наматывать леску на кончик удилища, как меня папа учил, а получилось ещё хуже. Намотал леску почти до гру-

зила — кончик удилица и отломился. Так бы, может, только леска оборвалась, а теперь вот удилице стало малость...

Фимка продолжал всё так же насмешливо улыбаться. Антипка, не глядя на Серёжу, сказал:

— Ничего, Сергей, у меня дома есть удилице вот такое же, рябиновое. — Он потряс своим тонким, гибким и прямым удилицем. — Не хуже бамбукового. Мы с дедушкой весной по насту два таких в Турипозе вырезали. И леска есть, я тебе дам, сделаешь новую удочку.

Фимка нахмурился.

— Ладно, пошли домой, — отрывисто бросил он и, не оглядываясь, пошёл к деревне.

— Что он всё время злится? — спросил Серёжа.

— Не знаю, — пожал плечами Антипка. — Вообще-то он хороший парень... Только обидчивый...

Глава четвёртая ■ ЯСТРЕБ

Серёжа только-только проснулся. Ему показалось, что где-то стреляют из мелкокалиберной винтовки.

Он открыл глаза. Бабушка Матрёна хлопотала возле печи. По стенам, оклеенным голубыми обоями, прыгали солнечные зайчики. Серёжа с минуту посмотрел на прибитый гвоздиками к дощатой перегородке большой плакат, на котором были нарисованы длинный приземистый дом с маленькими узкими окнами, краснощёкая женщина с ведром в руках и вокруг неё десятки, а может быть, и сотни белых одинаковых кур. Он прочёл крупную чёткую надпись на плакате: «Птицеводство — доходная отрасль колхозного хозяйства», потянулся, сжав кулаки, сбросил с себя одеяло и быстро соскочил с постели.

Звуки, похожие на треск винтовочных выстрелов, слышались откуда-то со стороны печки. Серёжа заглянул в горящую топку и лишь тогда понял, отчего получается этот треск. Жарким пламенем пылали дрова, и вдруг одно полено как щёлкнет — во все стороны густо брызнули искры, несколько красных угольков выскочили из печки на пол.

Бабушка Матрёна, плюнув на пальцы, быстро подхватила их и ловко забросила обратно в печь. Но Серёжа разглядел на полу возле печки чёрные пятнышки. Видно, не всегда бабушка успевает вовремя подхватить выпавший из печки горящий уголёк, вон как они половицы прожгли, будто клякс наставили.

— Проснулся, милоч? А то поспал бы ещё, понежился. Тебе, чай, не на работу спешить, у тебя отпуск, — ласково улыбнулась бабушка, выдвигая сковородником из печки на шесток сковороду. — А я тебя, милоч, надумала тут угостить оладками да шанежками.

— Я, бабушка, уже выпался, — не отводя глаз от огня, ответил Серёжа. — Сейчас сбегая на ручей, умоюсь.

Он надел тапочки, набросил на плечо полотенце и вышел во двор.

Солнце поднялось над лесом ещё невысоко и не палило, как днём, а ласково пригревало. В овраге у ручья было прохладно. Сюда не попадали солнечные лучи. Длинные тени от домов и деревьев дотягивались до противоположного склона. В траве поблёскивали капельки росы. За мостом, в низине, над лужайкой, стоял лохматый туман, словно там паслось стадо серых барашков.

Поёживаясь от свежей прохлады, Серёжа быстро умылся и бегом взбежал вверх по склону оврага к дому.

Он поел оладьев с маслом и, взяв книжку, залез на крышу сарая.

Отсюда сквозь прозрачные ветви берёзы было видно Каравай-поле и на той стороне оврага, за молодым ельничком, длинное-длинное деревянное здание птицефермы, совсем такое, как на плакате.

Доски, которыми была покрыта крыша, уже просохли от ночной росы и нагрелись. Серёжа смахнул вниз прошлогодние сухие листья и лёг на спину, заложив руки за голову.

Над ним голубело небо, медленно покачивались тонкие и прозрачные веточки берёзы.

Вдруг он заметил высоко в небе чёрную точку.

«Жаворонок? — подумал Серёжа. — Да нет — слишком уж высоко. Может быть, кто змея запустил?»

Серёжа не сводил глаз с чёрной точки. Она приближалась, увеличивалась. Вот он уже стал различать крылья птицы.

Птица опускалась. Широко раскинув крылья, она парила, как планёр. Птица описала круг над деревней и вдруг камнем стремительно упала возле птицефермы. Серёжа увидел, как бросились врассыпную белые куры, и тут понял: ястреб!

Он вскочил на ноги, шагнул к краю крыши, на мгновение остановился, потом махнул рукой, присел и прыгнул вниз.

— Ты чего не смотришь, куда прыгаешь? — услышал он Антипкин голос. — Чуть не зашиб.

— Ястреб на птицеферму полетел!

— Ястреб? Точно?

— Сам видел. Он вниз, а куры от него в разные стороны.

— Поймал?

— Не знаю, не видел. Может, и поймал.

— Бежим туда!

Поравнявшись с Фимкиным домом, Антипка громко крикнул:

— Фимка-а, айда скорей с нами!

Фимка выскочил из ворот, но, увидев Серёжу, остановился.

— Что случилось? — спросил он.

— Бежим! — бросил на ходу Антипка. — Ястреб на птицеферме! Его Серёжа сейчас засек. Может, поспеем.

Ребята со всех ног припустились вниз по оврагу, с разбегу перескочили ручей и тропинкой, через ельник, побежали к птицеферме.

— Здесь где-то, в лесочке, — сказал, задыхаясь от бега, Серёжа. — Он сюда спустился.

Мальчики с тропинки ринулись в лес, раздвигая колючие ветки.

— Здесь он, здесь где-то, — бормотал Серёжа. — Я видел...

Вдруг прямо перед ним из-под куста, лениво взмахивая большими тёмно-коричневыми крыльями, медленно вылетела большая птица. Серёжа вздрогнул от неожиданности: он не думал, что ястреб такой большой и такой страшный. Он был от него так близко, что Серёжа ясно разглядел его жилистые лохматые лапы с загнутыми большими когтями и хищный крючковатый клюв.

И только когда ястреб, выбравшись на полянку, стал подниматься вверх, мальчик опомнился и закричал во весь голос:

— Ребята, сюда! Он здесь!

— Где? Где?

Послышался треск веток, из-за ёлок выскочили Антипка и Фимка.

— Вон он... Всего метрах в двух от меня был, — с волнением говорил Серёжа. — Э-эх, хоть бы палку!

— Или рогатку, — подхватил Антипка.

— Нет, из рогатки не подобьёшь, — с сомнением сказал Серёжа. — Крылья у него во-от какие!

Фимка заглянул под куст, откуда вылетел ястреб, и поманил ребят:

— Смотрите, что он тут делал...

В кустах лежала окровавленная белая курица. Вокруг неё на земле и на ветках белели разбросанные перья и клочки пуха с яркими капельками крови на них.

— Эх, немного не поспели,— вздохнул Фимка, поднимая курицу.— Ну что ж, надо её тёте Глафире отнести...

Поднявшись ещё немного по склону, ребята вылезли из оврага и пошли к птицеферме напрямик через ёлочки и низкие пышные кусты можжевельника. Ёлочки и можжевельник подходили к ферме почти вплотную.

Впереди, за острыми вершинками ёлок, показалась длинная крыша фермы. Между кустами бродили белые куры.

— Куть-куть-куть! Куть-куть-куть! — позвал Антипка, и несколько кур наперегонки подбежали к ребятам.

Серёжа поймал одну курицу и, прижав её к груди, запел:

— Ко-ко-ко да ко-ко-ко,
Ко-ко-ко да ко-ко-ко...

Фимка неодобрительно посмотрел на него:

— Сам, что ли, сочинил песню-то?

— Нет. У нас такая пластинка есть. Это сербская песенка. «Курица» называется.

Серёжа снова запел, покачивая в такт головой:

— Ко-ко-ко да ко-ко-ко...

Но Фимка перебил его:

— Брось тут самодеятельность устраивать. Ещё увидит кто, смеяться будет. Да отпусти курицу. Кур, что ли, не видел...

— Она хорошая, смирная, — погладил Серёжа курицу по спине.

— Я их тоже люблю, — сказал Антипка и ласково провёл пальцем по красному гребешку. Но курица повернула голову и клюнула Антипку в палец.

— Ай-яй-яй! — вскрикнул Антипка, и Серёжа поспешно бросил курицу.

Курица, громко кудахча, бросилась в кусты.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Фимка. — Вот вам и смирная, и хорошая. Маленькая, а такого большого обидела.

На шум выбежала тётя Глафира — заведующая птицефермой.

— Это вы, ребята, — сказала она. — А я-то подумала, может, опять этот разбойник кур моих гоняет...

Но тут она увидела в руках у Фимки убитую ястребом курицу, всплеснула руками и хлопнула себя по бокам.

— Батюшки, да что же это получается? Каждый

день по курице губит. Что же мне с ним, проклятым, делать — ума не приложу!

Ребята молчали, опустив смущённо головы, как будто они были виноваты в том, что ястреб таскает с птицефермы кур. А тётя Глафира, взяв у Фимки курицу, горестно причитала:

— Что за напасть такая! Не успеешь зайти на ферму, чтобы зернá вынести, он уж тут как тут. Целыми днями караулю его, а он меня караулит. Вон на той ёлке каждое утро сидит.

Мальчики повернули головы в ту сторону, в которую показывала тётя Глафира.

— Да вон он, ворюга! — закричала тётя Глафира. — Опять прилетел!

На голой сухой ёлке, возвышающейся над кустарником, на самой макушке, нахохлившись, сидела похожая издали на охапку сена большая птица.

— Нет на него никакой управы. Подстрелил бы кто его. Ведь было где-то у Никанорыча ружьё. Бывало, когда в сторожах ходил, день и ночь с ним таскался. Хоть бы припугнул разбойника...

— Есть у дедушки ружьё, — кивнул головой Антипка. — Оно у него за печкой стоит.

— Или вы, ребята, разок бы пальнули, — вздохнула тётя Глафира. — Нагнали бы страху на ворюгу. А то уж совсем от него спасения нет.

— Что ж, мы можем, — медленно, словно обдумывая что-то, проговорил Фимка.

— Наверно, твой дедушка не даст нам ружья, — с сомнением сказал Серёжа, повернувшись к Антипке. — Скажет, малы или ещё что-нибудь...

— Для такого дела даст, — решительно перебил его Фимка. — Только подойти к нему надо умеючи. Уж мы-то с Антипкой его знаем. Конечно, если сразу сказать ему: «Дай ружьё», обязательно откажет. А если издалека да вежливо...

— Ладно, пошли к деду, — сказал Антипка.

Глава пятая ■ ДЕД НИКАНОРЫЧ

У деда Никанорыча очень интересная борода — большая, пышная, из-за неё даже уши еле видны. На подбородке и щеках — она белая, как сметана, посредине — чёрная, будто кто её сажеей вымазал, а конец бороды опять белый. В Мичашоре деда Никанорыча прозвали «дед Такскать».

Хитрое прозвище, и не поймёшь сразу, к чему оно. А прозвали деда так потому, что он в разговоре через два слова на третье говорит «так сказать». Но эти слова он выговаривает очень быстро, и у него получается не «так сказать», а одно слово «такскать».

Сейчас Никанорычу уже под семьдесят, но он ещё выходит на работу. Несколько лет назад его поставили сторожить зерносклады. Тогда-то ему правление выдало старую берданку. Дед её держал, как он говорил, «в боевой готовности, а то вдруг, такскать, воры нападут».

Но воры не нападали. Правление колхоза сократило штатную должность сторожа, а берданка так и осталась у деда Никанорыча.

Теперь дед Никанорыч смотрит за изгородями на полях и лугах, если понадобится, чинит их, следит, чтобы скот не травил посевы. Ружьё он теперь и в руки не берёт. Может быть, даже позабыл о нём.

Когда ребята пришли к деду Никанорычу, он был занят тем, что, наколов дров и сложив их в поленицу, подметал во дворе в кучу щепки.

— Здравствуй, дедушка.

— Здорово, ребятки. А это кто ж такой? — спросил дед Никанорыч, поглядывая на Серёжу. — Не из космоса, случаем, прилетел?

— Это внук бабки Матрёны, — ответил Антипка. — На каникулы сюда приехал.

— А-а, слышал, слышал. Сергеем, кажись, звать тебя?

— Серёжа.

Дед Никанорыч погладил Серёжу по голове и легонько потрепал за чубчик.

— Отца-то твоего, Григория, я хорошо помню. На моих глазах вырос. Да что-то давненько он не приезжал в Мичашор. А ты, значит, в первый раз, такскать, к нам приехал?

— В первый,— ответил Серёжа.

— Деду, давай я домету,— протянул Антипка руку к метле.— А ты отдохни.

— Ладно, поработай.— Дед отдал метлу внуку.— Только мне отдыхать некогда: надо козлы к сараю переставить. Пилить, такскать, больше нечего, и тут, на дороге, им не место.

Дед Никанорыч обхватил тяжёлые берёзовые козлы, на лбу у него от сильного напряжения вздулись жилы.

— Давай помогай!— крикнул Фимка Серёже и подхватил козлы за один конец.— Втроём легче будет.

Козлы переставили к сараю. Тем временем Антипка кончил подметать.

Фимка оглядел высокую поленницу и сказал:

— Много вы нынче, дедушка, дров заготовили.

— Много не много, а на зиму хватит,— уклончиво ответил дед.— Занимать, такскать, у соседа не дуваю.

Дед Никанорыч присел на бревно, не спеша достал из кармана кисет, положил его на колено. На кисете когда-то была вышивка, но сейчас, после нескольких десятков лет службы кисета, она поистёрлась, и поэтому нельзя было разобрать, что на нём вышито.

Так же неторопливо дед Никанорыч развязал кисет и достал из него трубку.

— Ой, какая трубка!— восхищённо воскликнул Серёжа.— Никогда такую не видел!

Никанорыч, заметив, с каким любопытством мальчик рассматривает его трубку, вытащил её изо рта и, держа двумя пальцами, медленно повернул перед Серёжей.

Трубка действительно замечательная! Она вырезана в виде лисицы. Отверстие, в которое набивают табак, выдолблено между ушами остренькой лисьей мордочки, а длинный хвост служит чубуком.

Повертев трубку перед Серёжиными глазами, дед Никанорыч сказал:

— Это, браток, подарок драгоценный. Память, таксать, о незабываемых годах гражданской войны. Одна оч-чень интересная история с ней связана.

— Какая же, дедушка, история? — спросил Серёжа.

— Расскажи ему, дедушка, как ты на гражданской воевал, — сказал Антипка. — И мы с Фимкой тоже ещё разок послушаем.

— Рассказать?

— Расскажи, дедушка.

— Ну ладно.

Фимка с Серёжей сели рядом с дедом на бревно. Антипка уселся перед ними прямо на землю.

Дед Никанорыч насыпал в трубку щепоть махорки, придавил указательным пальцем, чиркнул спичкой, затянулся и выпустил струйку дыма.

Антипка с Фимкой слышали рассказ деда Никанорыча уже не один раз. Но кому же не интересно послушать, пусть хоть в сотый раз, про бои Красной Армии с белыми?

Дед Никанорыч обвёл всех взглядом, потом прищурился, как будто вглядываясь куда-то в даль, и начал рассказ.

— Было это, как сейчас помню, в феврале девятнадцатого года. Зима тогда стояла холодная да вьюжная. Мороз — то тридцать, то сорок градусов. Упадёт раненый боец — чуть не поспеют сразу подо-

брать, через полчаса, глядишь, замёрз. Да ещё снегом занесёт.

Так вот, в такой морозный день подошёл наш отряд к селу Бадьдор. А в нём засели белогвардейцы — колчаковцы. Село стоит на горке, вроде как наше Каравай-поле, ни с какой стороны к нему скрытно не подойдёшь. Вокруг-то поле белым-бело, на снегу каждую чёрную точку за километр видать.

Два дня стояли мы у этого села. Больше десяти раз в атаку ходили. Да всё зря. Как подымутся наши цепи, так с колокольни колчаковский пулемёт: тра-та-та, тра-та-та. Мы перед ним как на ладони, и он бьёт, дьявол, без промаха.

Немало там полегло наших.

Красногвардейцы усталые, голодные, раздетые, а всё равно отступать не хотят. За Советскую власть ведь воевали.

Значит, два дня прошло, мы всё на одном месте стоим.

К вечеру второго дня по цепочке передают приказ: «Красноармейца Порошина к командиру». Меня, значит.

Подхватил я винтовку, побежал к командиру. Бегу и думаю: зачем я в такую жаркую пору понадобился?

Прибежал к нему в окопчик, доложил как положено: мол, красноармеец Порошин по вашему приказанию явился. Вижу, командир полка сидит такой задумчивый, меж бровями морщины, и на меня смотрит строго.

Потом командир встал, подошёл, положил руку мне на плечо и говорит:

«Я тебя знаю, красноармеец Порошин, как смелого бойца. Поэтому хочу тебе дать особое поручение. Очень важное это дело для всего нашего отряда и для Советской власти. Сам видишь, двое суток бьёмся здесь, а беляков из Бадьдора выбить не можем. Про-

довольствие у нас подходит к концу, да и боеприпасы тоже на исходе. А не даёт нам подойти к деревне пулемёт, установленный колчаковцами на колокольне. Поручаю тебе любой ценой снять эту огневую точку».

«Есть,— отвечаю,— товарищ командир, снять эту огневую точку любой ценой».

Дед Никанорыч распрямился и приложил морщинистую шершавую руку к старой выцветшей фуражке, без которой он никогда не показывался на улице вот уже много лет.

«Есть,— значит, говорю я.— Разрешите выполнять задание?»

«Желаю тебе успеха, Порошин,— говорит командир, а потом спрашивает: — Стрелять из пулемёта умеешь?»

«Так точно,— отвечаю,— умею».

«Ну хорошо».

Командир велел мне переобуться — сменить ботинки на валенки, и, как совсем стемнело, овражком, в обход, пошёл я к селу.

Церковь-то, на которой пулемёт был, я ещё днём заметил и поэтому держал путь прямо на неё.

Темнота — хоть глаз выколи. Тишина — слышно, как сердце бьётся.

Долго я подкрадывался. Проползу немного и замру: слушаю, как бы на вражескую заставу не наткнуться. Прошёл час, а может, два, а то и все три часа. «Надо успеть всё сделать до рассвета,— думаю.— Не выполню приказа, грош мне цена».

— Ой, интересно! — Серёжа придвинулся поближе к деду Никанорычу. — Наверно, страшно было вам, дедушка, одному ночью к врагам идти?

— Не перебивай! — тихо сказал Фимка. — Знай слушай. Дальше ещё интересней будет.

— Страшно не страшно, а приказ есть приказ: его надо выполнить во что бы то ни стало,— сказал дед

Никанорыч, взглянув на Серёжу, и, немного помолчав, продолжал: — Наконец подполз я по-пластунски к церкви. Вижу, у входа на колокольню часовой прохаживается взад-вперёд. Меня-то ему не видать, а он передо мной маячит, как тень, на фоне неба. Голову его вижу, винтовку за спиной и штык на винтовке.

Стал я за часовым наблюдать, думаю, как мне его убрать. Стрелять-то нельзя — не то шум поднимется и всё дело пойдёт насмарку.

Возле церкви росли толстые кедры. Часовой нет-нет да и зайдёт за них, а через минуту опять возвращается. Вытянул я из валёнка портянку и, когда колчаковец скрылся за кедрами, подбежал к церкви и спрятался с другой стороны дерева.

Слышу, снег поскрипывает под ногами. Значит, идёт. Уже совсем рядом. В мою сторону не смотрит, голову опустил, что-то под нос мурлычет, беды не чуёт. Прикинул: он пониже меня, послабее будет.

Как поравнялся часовой со мной, я навалился на него сзади, портянку в рот затолкал — он и пикнуть не успел. Его же собственным штыком и прикончил...

Но времени терять не приходится: я на колокольню. Лесенка узенькая, лезу вверх. Хорошо, я в валенках, от них никакого шума. Лезу на ошупь — темно ведь. Поднялся до половины и упёрся головой во что-то: ощупал руками — дверца, на замок заперта. Дверца крепкая. Нет дальше пути, хоть возвращайся.

Но возвращаться нельзя. Ведь если вернусь, не выполнив приказа командира, завтра опять сколько наших товарищей положит этот пулемёт.

Спустился я на один пролёт ниже. Там было маленькое окошечко, сквозь него карниз виднеется. Протиснулся я через это окошко, вылез наружу, огляделся. Метра на три повыше виднеется в колокольне ещё одно окно, но пошире и побольше. Добраться до него хоть и трудно, а можно: по всяким там украшениям, выступам и выемкам.

Чтобы удобнее было, скинул с себя шинель, оставил её на карнизе. Пробрало меня ветерком до костей, но тут уж не до тепла.

Винтовку я взял с собой. «Она, — думаю, — ещё пригодится».

Добрался с трудом до окна, влез в него, попал опять на лестницу, но уже по другую сторону запертой двери.

Лезу по лестнице выше. Вижу, впереди светлеет. Наверно, там и есть та самая площадка, на которой установлен пулемёт.

Вдруг совсем рядом слышу громкий храп, да ещё с присвистом...

— Сейчас будет самое страшное, — шепнул Антипка Серёже на ухо.

— Ну, соображаю, тут медлить нельзя, — продолжал дед Никанорыч, — надо действовать быстро, смело и наверняка.

Осторожно просунул голову в отверстие, через которое залезают на площадку.

Так и есть: пулемёт там. За ним лежит солдат ко мне спиной и смотрит в окно, наблюдает.

Рядом с ним второй прикорнул и спит. Мне их хорошо видно, потому что уже начало рассветать.

Тут уж я, такскасть, и не помню, что подумал в эту минуту, только как будто подняло меня: скакнул на площадку, размахнулся и трах пулемётчика прикладом по голове! Он застонал. Я его ещё раз. Тот, который спал, проснулся. Спросонья, видать, не поймёт ничего, а понял — сразу руки вверх: «Сдаюсь, говорит, пощади...»

«Нет, — отвечаю, — проклятый, не будет тебе пощады за то, что ты столько наших дорогих товарищей погубил».

Расправился я с колчаковцами — и к пулемёту. Пулемёт в полном порядке, честь по чести заряжен, у стены ящики с патронами. «Пусть сам в живых

— Так и есть: пулемёт там. За ним лежит солдат ко мне спиной и смотрит в окно, наблюдает,

не останусь, думаю, но и беяков положу немало из их пулемёта их же пулями».

Лёг я за пулемёт. Уже совсем рассвело, видно стало далеко. Внизу село Бадьдор, крыши, дворы. Сразу за околицей окопы, и в них колчаковцы копошатся, а дальше — за полем — наши окопы. Мне сверху всё хорошо видать.

«Ну теперь держись, вражья свора. Теперь за всё расплатитесь, никуда не уйдёте!»

Прицелился я и давай строчить по колчаковским окопам.

Колчаковцы не поймут, откуда стреляют. Думали, с нашей стороны, бросились в атаку на наши окопы. А я им вдогонку. Тут наши заметили, что пулемёт с колокольни бьёт по колчаковцам, и поднялись в контратаку.

Видят белые, дело неладно, — повернули назад.

Сзади наши их гонят, спереди я их пулемётным огнём встречаю.

Между двух огней белогвардейцы совсем ошалели: бегут, мечутся, не знают, где спасенья искать.

А наши уж, вижу, в Бадьдор ворвались...

— Вы, дедушка, настоящий герой! — восхищённо воскликнул Серёжа.

Дед Никанорыч достал из кармана гребешок, аккуратно расчесал бороду и усы и только после этого заговорил снова:

— Уж не знаю, герой или не герой. А только когда после боя спустился я с колокольни, окружили меня красноармейцы, обнимают, целуют.

«Как же ты, Порошин, ухитрился завладеть колокольной?» — спрашивают.

«На то, — отвечаю, — я и красноармеец, мне положено смекалку иметь».

Потом вызвал меня командир. Обнял, пожал руку и говорит: «Объявляю тебе благодарность за отвагу и мужество, проявленные при освобождении села

Бадьдор. А ещё возьми, Порошин, вот эту трубку от меня на память...»

Вот с тех пор у меня эта трубка...

Ребята ещё раз с уважением посмотрели на затейливую трубку Никанорыча. Серёжа хотел попросить деда дать ему подержать трубку, чтобы рассмотреть получше, но не решился: не даст Никанорыч в чужие руки такую драгоценную вещь.

— А мы тут не можем с каким-то ястребом сладить! — с досадой сказал Фимка.

— С каким ястребом? — спросил дед Никанорыч.

— Который на ферме кур таскает! Каждый день, тётя Глафира говорит, прилетает. Мы его сегодня сами видели! — наперебой заговорили Серёжа и Антипка.

— Так бы сразу и говорили, такскать, хищник колхозное добро ворует, — с озабоченным видом сказал дед Никанорыч. — А то пристали: был ли ты, дед, на гражданской войне, да расскажи, как воевал... Сразу бы надо сказать: ворует хищник колхозное добро. Надо, такскать, окоротить его. У меня на этот случай ружьё имеется.

— Дедушка, а вы дадите нам пальнуть из него по этому ворюге? — торопливо спросил Фимка.

Дед Никанорыч внимательно посмотрел на всех ребят по очереди — на Фимку, на Антипку, на Серёжу — и, почесав в затылке, медленно, не сразу, ответил:

— Можно и дать. Только поначалу я проведу с вами кое-какую, такскать, военную стрелковую подготовку.

Дед Никанорыч поднялся с бревна и пошёл в избу.

— За ружьём пошёл, — обрадованно зашептал Фимка и хлопнул Серёжу ладонью по плечу. — Вот видишь, как надо действовать! Уж мы-то с Антипкой знаем.

— Погоди радоваться, — остановил его Антип-

ка,—вдруг дед ещё скажет: «Сам умею стрелять» — и всё.

— Конечно, может, и так выйдет,—согласился Фимка. Но ему совсем не хотелось думать, что дед Никанорыч может не дать им ружья. Он уже представлял себе, как они идут к тётке Глафире на ферму. Он, Фимка, несёт убитого ястреба. Ястреб такой огромный, что его крылья тащатся по земле. Тётя Глафира выбегает из фермы, бежит им навстречу, хвалит их, благодарит: «Молодцы, ребята! Вот спасибо, что ястреба подстрелили. Я уж не знала, что мне с ним делать, как от него спастись. Кто же его подстрелил?..» И тут Фимка спросил: — Ребята, а кто будет стрелять по ястребу?

— Потом договоримся,—сказал Антипка.— Сначала пусть дед ружьё даст и стрелять научит.

— По-моему, всё равно, кто будет стрелять,—проговорил Серёжа,—лишь бы ястреба убить.

Открылась дверь, скрипнули на крыльце половицы, из избы вышел дед Никанорыч. В одной руке он нёс ружьё, в другой держал бутылочку машинного масла и тряпку. Дед Никанорыч осмотрел ружьё и покачал головой:

— Вон как затвор заржавел. Да и в стволе небось ржавчина. Эх, сам бы я подстрелил этого бандита, жаль — глаза сдали, как следует прицелиться не могу!

Дед с размаху стукнул ладонью по рукоятке затвора. Затвор подался с трудом. Никанорыч вытащил его, осмотрел:

— Ох-хо-хо, так и есть — весь ржавый...

— Дедушка, давай мы почистим. Мы быстро,—протянул Фимка руку к ружью.

— Я в школе мелкокалиберную винтовку всегда после стрельбы сам чистил,—сказал Серёжа.

Дед Никанорыч отдал чистить затвор Антипке и Серёже.

— А тебе, браток, ствол чистить,— сказал он Фимке.— Сделаешь из палочки шомпол и осторожно тряпочкой вычистишь внутри.

Фимка только этого и ждал. Он схватил ружьё и прижал к себе. Ничего, что оно без затвора,— всё равно ружьё настоящее, не палка и не железка какая-нибудь. «Когда буду чистить,— подумал Фимка,— можно будет потренироваться целиться».

Он поднял ружьё, направил ствол вверх и заглянул внутрь ствола. Отверстие было чуть видно.

«Немало будет работёнки тут! — решил Фимка.— Ну ладно, только бы дед Никанорыч разрешил пострелять...»

А дед Никанорыч, глядя на пытящих от усердия ребят, одобрительно кивнул головой и пообещал:

— Вечером я патроны заряжу. Завтра с утрачка пойдём постреляем в цель. Такскать, проведём учебные стрельбы. Кто лучше всех будет стрелять, тому первому и по ястребу палить.

Глава шестая ■ КТО СТРЕЛЯЕТ ЛУЧШЕ ВСЕХ?

Но на следующее утро в чистом утреннем небе над горизонтом появились лёгкие серые облачка.казалось, по голубой глади моря плывёт большая стая диких гусей.

Мало-помалу лёгкие облачка, словно притянутые друг к другу магнитом, слились в одно большое облако, и оно заслонило солнце. Большое облако, поначалу серое, постепенно меняло окраску, сгущаясь с каждой минутой и на глазах превращаясь в огромную чёрную тучу.

Неужели будет дождь?

Вычищенная берданка не ржавеет за печкой, а лежит на полатах, поблёскивая начищенным за-

тыльником, словно говоря: рано мне ещё на пенсию, хочу послужить доброму делу.

Дед Никанорыч вчера на глазах у ребят зарядил три патрона двадцать четвёртого калибра, положил их на ладонь и торжественно сказал:

— Это, таксать, пробные, для проведения огневой подготовки. Посмотрим завтра, кто из вас лучший стрелок.

У себя под крыльцом Антипка нашёл небольшую дощечку и вырвал из тетради три листа. Воткнуть дощечку в землю, прикрепить к ней лист — вот тебе и мишень.

Фимка почти всю ночь проворочался с боку на бок — никак не мог уснуть. Он представлял себе, как завтра поутру он пройдёт через всю деревню с ружьём за плечом. Кому же ещё нести ружьё, как не ему, — ведь он самый высокий. Серёжку приклад будет бить по пяткам, у Антипки небось вообще станет волочиться по земле.

Заснул Фимка далеко за полночь, но и во сне ему снились какие-то чудовищные птицы со злыми, горящими, как угольки, глазами и с большими острыми клювами крючком.

И Серёже плохо спалось в эту ночь. Он проснулся рано, раньше бабушки, и от нечего делать сел к окну решать мудрёную Фимкину задачу.

Он нарисовал на листочке три банки: одна банка полная, в ней десять литров, а две другие — семи- и трёхлитровые — пустые. Задумался. А что, если попробовать так: из десятилитровой наполняем семилитровую целиком — значит, в первой осталось три литра. Теперь доливаем в неё при помощи трёхлитровой банки два раза по три литра, то есть в ней теперь стало девять, в семилитровой — один, трёхлитровая — пустая. Так... Что же дальше?

Но тут внезапно налетел такой сильный порыв ветра, что листок с задачей швырнуло на середину

комнаты, створка окна резко захлопнулась, зазвенело стекло.

Сейчас же из горницы выбежала бабушка.

— Господи, ветер-то какой! Закрой, милоч, окошко, а то стекло вылетит!..

Серёжа поспешно схватился за вторую раму, но ветер свал её из рук, и ему с трудом удалось закрыть окно.

«Вот это да! — огорчённо подумал мальчик. — Я и не заметил, какая туча собралась. Будет дождь — значит, не удастся пострелять... Как назло!»

И бабушка Матрёна, глядя на тучу, сокрушённо вздыхала:

— Не иначе, дождь соберётся... Вот незадача! Я ведь хотела за ягодами сходить. Думала тебя, внучек, угостить земляничкой...

Не успела бабушка сказать про дождь, как первые капли, точно барабанная дробь, глухо застучали по крыше.

Серёжа смотрел в окно. Всё кругом как будто окутано серой пеленой, и дальше Фимкиного дома ничего не видать. Вода, стекая с крыши по жёлобу, бурлящей струёй падала перед окном и текла пенящимся ручейком на дорогу.

— Вот полил как из ведра, — сказала бабушка. — Это хорошо, что сильный: скоро пройдёт.

— Хорошо бы, прошёл... — сказал Серёжа. — Я, бабушка, открою окошко, ветер-то утих.

Крупные капли дождя, с силой ударяясь о мокрую землю, мелкими брызгами разлетались в стороны. И от этого казалось, будто из-под земли бьют тысячи крошечных фонтанчиков.

Бабушка оказалась права: дождь скоро утих, небо прояснилось, туча ушла за Иньву.

Снова засияло жаркое солнце. Ярче прежнего зазеленела омытая дождём трава. Над землёй, над крышами закурились струйки испаряющейся влаги.

Вдруг Серёжа услышал с вышины неба тонкую звенящую трель. Он поднял голову и вгляделся в прозрачную голубизну. Там, высоко-высоко, пела какая-то птичка. Сама она казалась лишь маленькой чёрной точкой, а песня её слышалась так отчётливо, словно птичка пела совсем рядом.

«Жаворонок!» — догадался Серёжа.

Он наблюдал за жаворонком до тех пор, пока с улицы не послышался свист.

Серёжа сорвался с места, как заяц, когда охотник внезапно вспугнёт его из-под ёлки.

Впереди гордо вышагивал Фимка с берданкой за плечом.

За ним попевал Антипка, деловито придерживая под мышкой доску и сжимая в руке свёрнутые трубочкой тетрадные листочки.

Позади, опираясь на палку, шёл дед Никанорыч.

Серёжа подбежал к Антипке и пристроился с ним рядом.

Ребята и дед Никанорыч шагали молча, словно они шли так уже давно и говорить им больше не о чем. На самом же деле все четверо молчали потому, что очень волновались.

Они спустились в Косой овраг. Ребята шли, с каждой минутой сбавляя шаг, нетерпеливо ожидая, когда дед Никанорыч облюбует место для стрельбища и даст команду остановиться.

— Стойте, братцы, — наконец сказал дед. — Здесь уже безопасно, можно стрелять. А ну, Фимка, у тебя ноги подлиннее. Отсчитай-ка вот в эту сторону тридцать пять шагов. — Он взмахнул палкой, показывая, в какую сторону нужно отсчитывать шаги. — А ты, Антипка, ступай за ним и поставь там на склоне свою доску.

Пока Фимка отсчитывал шаги и Антипка устанавливал доску и прикреплял к ней первый листок, ружьё держал Серёжа. Он вскинул берданку, при-

жался щекой к прикладу и замер, прицеливаясь в пространство.

— Да у тебя руки-то трясутся! — вдруг услышал Серёжа над самым своим ухом.

Он вздрогнул и опустил ружьё.

— Кто ж так ружьё держит! — продолжал Фимка, берясь за берданку. — Дай-ка сюда. — Он приложился к ружью и тоже куда-то прицелился. — Вот как надо! Видал?

— Ну, давай начинать! — сказал дед Никанорыч. — Кто первый?

Не успели Антипка с Серёжей рот раскрыть, как Фимка выкрикнул:

— Я!

— Ты так ты, — согласился дед. — Держи патрон.

Фимка лёг на траву, протянул на кочку руку, а на неё положил ружьё.

— Ты, главное, приклад прижимай к плечу плотнее, — давал дед последние наставления. — А вы, братцы, отойдите ещё немного назад, за линию огня, такскать, — растопырив руки, отводил он ребят.

Фимка целился долго, что есть силы прижимал к плечу приклад. Наконец раздался выстрел. Ребята побежали к мишени. В тетрадный лист попало пять дробинок.

Вторым стрелял Антипка и попал в мишень тремя дробинками. Серёжа попал только двумя.

— Ну ничего, для первого раза неплохо, — сказал дед Никанорыч. — Значит, первым, по уговору, будет стрелять по ястребу Фимка, вторым ты, внучек, после тебя — ваш товарищ. Все согласны?

— Все! — хором ответили ребята.

А Фимка не удержался и добавил:

— Эх, ещё бы разочек стрельнуть! Я бы десять дробинов всадил, не меньше!

Но так как у деда в кармане больше не было ни одного патрона, то мальчишки только вздохнули.

Когда шли обратно, ружьё опять нёс Фимка. Шагая по деревне, он гордо поглядывал вокруг.

— Вот что, братцы,— сказал дед Никанорыч,— надо нам сделать под сухой елью шалаш, в нём и караулить ястреба с утра. Шалаш нужно сделать сегодня, чтобы, такскать, утром не шуметь... Отнеси, Антипка, ружьё и вынеси мне топор.

Антипка забежал в избу и вернулся с топором.

Придя к сухой ели, на которую садился ястреб, дед Никанорыч долго выбирал подходящее место для шалаша. Он несколько раз обошёл вокруг ели, осматривая каждый кустик, и наконец остановился у трёх молоденьких ёлочек, растущих рядом.

— Вот здесь будет в самый раз,— решил он.

Дед орудовал топором, ребята таскали срубленные им широкие лапы старой пихты и пристраивали их вокруг трёх ёлочек.

Скоро шалаш был готов. Со стороны он был совсем незаметен, как будто это не шалаш, а просто растёт себе небольшая, очень пушистая ёлочка — и всё тут.

Ребята залезли внутрь шалаша.

— Как тут хорошо! — сказал Серёжа. — И вершину сухой ели видно.

— Вот и ладно,— ответил дед, засовывая топор за пояс. — А сейчас — домой. До утра здесь больше делать нечего.

Глава седьмая ■ НА ПТИЦЕФЕРМЕ

Дед Никанорыч ушёл домой, мальчики остались в шалаше. Но им скоро наскучило сидеть без дела, и они вылезли наружу.

— Знаете что? Давайте сходим на птицеферму,— предложил Фимка.

— Зачем?

— Скажем, что завтра с ястребом разделаемся, пусть тётя Глафира не беспокоится.

— Ты сначала раздайся,— сказал Серёжа,— потом скажешь.

Фимка прищурился.

— Что ж, ты думаешь, я промажу, да? — спросил он грозно.

— Может, и промажешь,— отозвался Серёжа.

— Вот ты промажешь, это уж точно! Ты и в мишень-то только двумя дробинками попал. А в ястреба вовсе не попадёшь...

— Вот возьму и попаду! — Серёжа тоже начал злиться.— Думаешь, если в доску попал, так уж охотником заделался?

Вместо ответа Фимка сжал кулаки и шагнул к Серёже.

Увидев это, Антипка поспешно сказал:

— А чего? Давайте сходим. Про ястреба можно пока не говорить. Потом скажем, как подстрелим. Вот небось тётя Глафира обрадуется! А сегодня просто так сходим посмотрим.

— Пошли,— подхватил Серёжа.— Я ни разу не был на птицеферме. Интересно, наверно.

Во дворе фермы тётя Глафира точила косу-литовку, быстро взмахивая брусом.

— Здравствуйте, тётя Глафира! — хором крикнули ребята.

Птичница перестала точить косу.

— Пришли? — приветливо сказала она.— Вот и хорошо, мне веселее будет. Я тут крапиву собралась косить, вон сколько её выросло вокруг фермы — целый лес!

— Чтобы она не жглась? — спросил Серёжа.

Тётя Глафира улыбнулась.

— Мы её для кур косим. Зимой буду в корм подсыпать — это для них витамины.

— Давайте я вам помогу,— вызвался Фимка.— Я косу умею точить и косить могу.

Тётя Глафира протянула Фимке косу и брусок:

— Что ж, попробуй.

Концом ручки Фимка упёр косу в землю и принялся с такой сноровкой орудовать брусом, словно всю жизнь только и делал, что точил косы. Серёжа, не спуская глаз, с удивлением и завистью смотрел на Фимкину работу. Ему и самому хотелось бы поточить косу, но он понимал, что это дело серьёзное: чуть что не так — испортишь работу и руки порежешь.

Вот Фимка большим пальцем левой руки несколько раз осторожно коснулся острия косы.

— Полный порядок!

Тётя Глафира вынесла две пары рукавиц — себе и Фимке — и большой пук мочала.

Густая, высокая, сочная крапива и правда как лес стояла вдоль изгороди.

Фимка, расправив худые узкие плечи, плавно, сильно и широко размахивая литовкой, проходил ряд за рядом. Крапива аккуратными рядками ложилась на землю.

«Молодец парень! — думала тётя Глафира. — И когда это он научился?»

Фимка косил, а тётя Глафира собирала крапиву в пучки и перевязывала мочалом, как веники.

Когда половина крапивы легла на землю, тётя Глафира сказала:

— Отдохни, Фимка. Вон уж сколько накосил!

Фимка повернул к ребятам, наблюдавшим за его работой, довольное, разгорячённое лицо. В одной руке он держал косу, другой утирал со лба крупные капли пота.

— Фимка, дай я попробую.— Серёжа протянул руку к литовке.

— Это тебе не игрушка! — отрезал Фимка.— Сломаешь ещё!..

Фимка косил, а тётя Глафира собирала крапиву в пучки
и перевязывала мочалом, как веники.

— Я только попробую! — Серёжа умоляюще посмотрел на Фимку.

И тот смягчился:

— Ну, нá. Только у тебя ничего не получится, вот увидишь!

Серёжа осторожно взял косу, приподнял и неуверенно взмахнул. Коса, не срезав ни одного стебля, запуталась в крапиве.

— Да ты левой рукой повыше возмись, — сказал Фимка. — Ноги расставь пошире и плавно так проводи. А то рубишь, как топором.

Серёжа старался изо всех сил, но у него всё равно ничего не получалось: то литовка втыкалась в землю, то срезала крапиву слишком высоко. Не получались у него и рядки. Срезанные стебли крапивы валялись во все стороны, больно жала босые ноги.

— Я же говорил! — злобно сказал Фимка, когда Серёжа вернул ему косу. — Тут уметь надо!

— Ах, чертовка, опять за своё! — вдруг воскликнула тётя Глафира, всплеснув руками.

Ребята удивлённо переглянулись.

— Это я про курицу, — пояснила тётя Глафира. — Вон, вон пошла. Повадилась где-то в кустах нестись. Уж я ходила в кусты, искала-искала, да так ни одного яичка и не нашла. Прямо не знаю, что с ней делать, такая непутёвая...

— Антипка, давай последим за ней, — предложил Серёжа, — посмотрим, куда она пойдёт.

— Давай! — охотно согласился Антипка.

Пригнувшись, словно на охоте за глухарём, ребята медленно пошли за курицей.

— Близо к ней не надо подходить, — прошептал Антипка, — чтобы она не заметила нас.

— Ага, — также шёпотом ответил Серёжа.

Наверное, если бы ребята говорили и в полный голос, курица их не слышала бы, так громко она ку-дахла. Но говорить шёпотом было интереснее.

Курица направилась прямо к кустам.

Ребята, стараясь не терять её из виду, перебежали от кустика к кустику, от ёлочки к ёлочке.

— Ишь куда забралась! — сказал Серёжа.

— Тише, — шикнул Антипка.

Наконец курица остановилась возле низкого куста, густо заросшего травой.

— Ложись! — Антипка дёрнул Серёжу за рубаху и плюхнулся животом в траву.

Серёжа лёг рядом, и они, вытягивая шеи, наблюдали, что эта хитрющая курица станет делать дальше.

А она обошла куст и вдруг нырнула под него, как сквозь землю провалилась. Кудахтанье смолкло.

Ребята терпеливо ждали.

Вдруг курица выскочила из-под куста и, пронзительно закудахтав, не спеша пошла по направлению к ферме.

— Айда посмотрим! — поднялся Антипка.

Под низким кустом в примятой траве лежало девять яиц. Антипка сложил их в подол рубахи, и ребята вернулись на ферму.

— Нашли?! — ахнула тётя Глафира. — Вот молодцы-то! Отнесите их в кладовку, положите в ящик к другим яйцам. А мы с Фимкой как раз и покос закончили.

Все вместе они вошли внутрь кладовки.

Серёжа с интересом осматривался вокруг.

Середину помещения занимала печь с вмазанным в неё котлом.

— В этом котле кипятят воду и заваривают курам мешанку, — сказал Антипка. — А вон, гляди, сколько яиц!

Яиц было много. Ими были доверху наполнены ящички и большие корзины, стоявшие у стены.

Антипка осторожно переложил из подола рубахи в одну из корзин яйца непутёвой несущки.

— Пойдём поглядим, что там в мешках,— позвал он Серёжу и Фимку.— Можно, тётя Глафира?

— Можно, можно,— отозвалась та.— Посмотрите, если интересно.

В мешках был овёс и ячмень, в длинном ящике — картофель и морковь, в ящиках поменьше — костная мука, соль и мел комками.

— Вот сколько моим курам корму идёт,— сказала тётя Глафира,— но зато они и несутся хорошо: больше тысячи штук яиц за день собираю.

— За один день?! — воскликнул Серёжа.

— Да. Хотите, пойдёмте на ферму, поможете мне яйца собирать. Хотите?

— Хотим! — хором ответили ребята.

— Тогда берите вон там в углу маленькие корзиночки.

Помахивая пустыми корзинками, ребята вприпрыжку побежали на ферму.

— Осторожнее, ребята,— предупредила тётя Глафира.— Не побейте яиц!

— Не побьём! — заверил Фимка.— Не маленькие.

Ребята медленно шли вдоль куриных гнёзд, расположенных в два этажа, и заглядывали в каждое.

— Есть!

— И тут лежит!

— А тут сразу два! — слышалось поминутно.

Когда корзинки наполнились, ребята отнесли их в домик, переложили яйца в большие корзины и ящики и вернулись на ферму.

Но вот Серёжа заметил, что Антипка поставил свою корзину на пол, яиц не собирает, а что-то внимательно рассматривает в дальнем углу.

— Эй, Антипка! — окликнул его Серёжа.— Ты что там ищешь?

— Ничего не ищу,— отозвался Антипка,— просто смотрю, какие тут гвозди нужно забить.

— Какие гвозди? Зачем? — Серёжа подошёл к Антипке.

За ним подошёл и Фимка. Тётя Глафира в это время носила со двора солому курам на подстилку.

— Видите, гвоздь выскочил, — Антипка подёргал неплотно прибитую дощечку, — из-за этого дощечка болтается, яички могут выпасть из гнезда. Надо завтра принести молоток и гвозди и кое-что тут подремонтировать.

— Антипка у нас и столяр и плотник, — легонько стукнув друга по плечу, сказал Фимка с гордостью. — Он только и смотрит, где бы что подтесать да куда бы дощечку прибить. А знаешь, какую он весной тумбочку сделал? Совсем как из магазина! Да ещё покрасил её, любо-дорого посмотреть!

Антипка смущённо молчал, но ему было приятно, что Фимка, который всегда считал себя первым во всём, на этот раз похвалил его.

— Видал у него во дворе скворечники? — продолжал Фимка, обращаясь к Серёже. — Тоже его работа. Дед Никанорыч говорит, что у Антипки золотые руки. Во как!

Серёжа с уважением посмотрел на смущённого Антипку.

— Ну, хватит лясы точить! — вдруг сурово сказал Фимка. — Пошли яйца собирать.

Когда все яйца были собраны, ребята помогли тёте Глафире перетаскать связанную пучками крапиву на чердак фермы и там развесить пучки парами, на длинных шестах. К обеду все дела были переделаны.

— Ну что за помощники у меня золотые! — приговаривала тётя Глафира. — Мне бы одной тут за день не управиться!

— Мы завтра тоже придём, — пообещал Антипка.

Глава восьмая ■ ЭХ ТЫ, РАСТЯПА!

Стрелять по тетрадному листу, прилепленному к доске,—одно дело, а по ястребу—совсем другое. В доску целясь хоть полчаса—она ни с места. А ястреб не будет сидеть и дожидаться, пока ты в него выстрелишь. Да ещё попадёшь ли! И попадёшь, то подожди радоваться: может, только лапу ему царапнешь, так что он не почувствует, или одно пёрышко из хвоста выбьешь...

Утром, когда ещё не взошло солнце и его лучи только выглядывали из-за горизонта, освещая рваные клочья облаков, Фимка с дедом Никанорычем перешли Косой овраг и поднялись к сухой ели. Там, где они прошли по росистой траве, за ними остались чёткие следы, как на снегу.

Антипка и Серёжа притаились на другой стороне оврага, чтобы не толкаться всем в шалаше.

— Ты, Фимка, стреляй только наверняка,—давал дед последние наставления.—Ежели выстрелишь да промахнёшься, он больше на эту ель садиться не станет, тогда его, разбойника, подстеречь трудно будет.

Они залезли в шалаш. Там было прохладно. Хорошо ещё, что дед по дороге прихватил охапку соломы из прошлогодней скирды и теперь постелил её в шалаше поверх влажного мха.

Фимка просунул ствол между веток и, стоя на коленях, не отрываясь смотрел на верхушку сухой ели.

Дед сидел рядом, не шевелился и молчал.

Время шло. Ястреб всё не прилетал. У Фимки уже затекли ноги, но он не решался пошевелить ими: вдруг как раз в эту минуту прилетит ястреб, услышит шорох, испугается и улетит.

Солнце уже показалось из-за ёлок. Его тёплые лучи осветили и согрели всё вокруг. Но на шалаш падала тень от соседней ёлки, поэтому в нём было по-прежнему прохладно и сумрачно.

Тихо, спокойно вокруг. Только птицы щебечут на разные голоса и где-то за Каравай-полем гудит трактор. Но вот послышался какой-то новый звук: ш-ш-ш... И хлопанье больших крыльев. Птицы разом замолкли, и Фимка понял, что летит ястреб.

Фимка почувствовал, как дед Никанорыч предостерегающе легонько толкнул его в бок. Ястреб сел на верхушку сухой ели и, озираясь, поводит из стороны в сторону горбатым клювом.

Мальчик задрожал от волнения. Из всех сил прижал он приклад берданки к плечу и взял ястреба на мушку. Его палец потянулся к спусковому крючку, но тут ястреб расправил широкие крылья и, рывком оттолкнувшись лапами от сука, на котором сидел, полетел в сторону птицефермы. Он сделал над нею круг и камнем упал вниз, должно быть высмотрев себе очередную жертву.

Дед Никанорыч крикнул с досады, а Фимка растерянно опустил ружьё.

— Улетел, гад,— едва не плача, процедил он сквозь зубы.— Чуть-чуть я не успел... А ведь здорово прицелился — наверняка попал бы!..

— Ну ничего, завтра опять прилетит,— сказал дед, вылезая из шалаша.

Фимка шёл за дедом, низко опустив голову. Он думал, что дед обижается на него, жалеет, что ему первому доверил стрелять.

Но, подойдя к ребятам, он вскинул голову и даже вызывающе поднял нос.

«Сейчас накинутся»,— подумал он.

— Что же ты не стрелял?— строго спросил Антипка.— Ведь он сидел — как перед фотоаппаратом позировал.

— «Позировал»!..— передразнил Фимка.— Да я только прицелиться успел, а он вдруг как сорвётся!

— Эх ты, растяпа! — вырвалось у Серёжи.

Фимка подскочил как ужаленный.

— Это я растяпа? А ты... ты...— Фимка искал слова пообиднее.

Но тут вмешался дед Никанорыч:

— Напрасно это вы, ребята. Фимка правильно сделал, что не стал стрелять на авось. Только спугнул бы. Он нашего шалаша не заметил — значит, завтра снова прилетит на свою ёлку.

Серёжа и Антипка смущённо переглянулись.

— Ты, Фима, не обижайся,— сказал Серёжа.— Это я так, сгоряча.

— Дать бы тебе по шее сгоряча! — буркнул Фимка.

— Сам получишь!

— Я?

— Ты!

— Ну-ну, петухи! Будет! Пошли по домам,— остановил их дед Никанорыч и, взяв у Фимки ружьё, зашагал к дому.

Ребята уныло брели по деревне.

Возле Антипкиного дома постояли, помолчали. Вдруг Антипка что-то вспомнил.

— Фимка, а что, если показать ему дедову находку? — Он кивнул в сторону Серёжи.— Вот небось удивится, а?

Фимка оживился:

— Факт, удивится. Он такого в жизни не видел.

— Чего я не видел? — спросил Серёжа недоверчиво.— Может, видел!

— Нет, не видел,— уверенно сказал Антипка.— Пойдём, покажу.

Все трое зашли в избу. Дед Никанорыч уже положил ружьё на полати и теперь отдыхал, сидя у окна.

Антипка забрался с ногами на лавку и, дотянувшись до высоко прибитой полки, достал оттуда резную деревянную шкатулку. Осторожно спустившись на пол, он торжественно открыл шкатулку и протянул Серёже:

— На, смотри!

Серёжа с любопытством заглянул в шкатулку.

Там на дне, вложенном мхом, лежало продолговатое светлое яйцо.

— Чьё это? — спросил Серёжа.

— Отгадай, если видел, — усмехнулся Фимка.

— Глухариное? — неуверенно проговорил Серёжа.

— Нет.

— Гусиное?

— Опять не угадал.

— Индюшиное?

Антипка с Фимкой только покачали головой.

Серёжа наморщил лоб.

— Ну, ну! — торопил его Фимка, но Серёжа безнадёжно молчал.

Наконец он тихо сказал:

— Не знаю.

— То-то! Не знаешь! — торжествующе воскликнул Фимка. — Журавлиное это яйцо!

— Ну и что? — спросил Серёжа.

— Как — что? — удивился Антипка. — Журавлиное, понимаешь? Во всей деревне ни у кого больше нет такого яйца. Оно у нас уже пятьдесят лет лежит. Правда, дедушка?

— Правда, — кивнул дед Никанорыч. — Пять десятков, не меньше. Журавлиное яйцо, Сергей, не каждому дано увидеть.

— Почему же?

— Потому что журавли гнездятся в таких местах, куда человеку не добраться, — сказал Антипка.

— А как же вы, дедушка Никанорыч, добрались? — спросил Серёжа.

— Тут целая история, — сказал дед Никанорыч. — Был я тогда молодой и пошёл как-то осенью в дальний лес поискать подходящее дерево на лыжи. Пока искал дерево, сам не заметил, как заблудился и забрёл в болото. Два дня плутал, одну бруснику да

клюкву ел... Иду я, значит, по болоту, вижу — гнездо на кочке, а в гнезде вот это яйцо. Почему оно невысиженным осталось — не знаю, только журавли к тому времени уже все на юг улетели...

— Хорошо, что улетели,— подхватил Антипка,— а то бы несдобровать тебе.

— Да-а... Говорят, что журавли страх как не любят, когда человек их гнездо находит. Налетят, только держись,— крылья у них большие, сильные: до смерти убьют. Так что находка моя, такскасть, редкая. Прямо скажу, диковина. Антипке я её подарил, пусть бережёт.

— Можно мне его в руки взять? — робко спросил Серёжа.

— Возьми,— разрешил Антипка.

— Только не урони,— добавил Фимка.

Серёжа вынул яйцо из шкатулки.

— Ой, а лёгкое-то какое!

— Оно пустое: видишь, иголкой с двух сторон проколото. Чтоб не испортилось. Смотри, пятьдесят лет лежит, а какое светлое... Ну, налюбовался? Клади на место.

Серёжа положил яйцо в шкатулку, и Антипка снова убрал её на полку.

Глава девятая ■ ПОПАЛСЯ

Фимка с Серёжей лежали в высокой траве. Отсюда, с этой стороны Косого оврага, им было хорошо видно и сухую ель, и шалаш, в котором на этот раз спрятались дед Никанорыч и Антипка.

У Фимки на лице было недовольное выражение. Облокотившись о землю и подперев голову ладонью, он хмуро смотрел в синее небо.

— Скорей бы уж прилетел, что ли! — сказал он.

Потом тяжело вздохнул: — Эх, дали бы мне ещё разок, уж теперь бы он от меня не ушёл, лохматый!

Серёжа промолчал. Он лежал на животе и время от времени осторожно, кончиками пальцев, срывал с веточки и клал в рот крупные, сочные ягоды земляники, красневшей в густой траве.

— Гляди-ка, Фимка, сколько ягод! — сказал он. — Ешь!

Но Фимка безразлично глянул на ягоды и снова уставился в безоблачное небо.

— Может, он вчера нас заметил, вот и не летит? — предположил он.

— Не мог он вас заметить! — возразил Серёжа. — Разве только шорох слышал.

— Ну вот. Наверно, испугался.

Оба замолчали, задумались.

Вдруг Серёжа вскочил на коленки:

— Получилась!

— Чего ты орёшь? — прикрикнул на него Фимка.

— Получилась, — уже тише сказал Серёжа. — Задача, помнишь, ты мне загадал?

Фимка посмотрел на него недоверчиво.

— Не веришь? Вот, смотри!

Обломком сучка Серёжа выкопал в земле три неглубокие ямки, старательно выскреб из них комочки земли.

— Вот у нас три банки: эта — десятилитровая, эта — семи, эта — трёх.

Он протянул руку и со стебелька пастушьей сумки сорвал десять стручков.

— Будем считать, что каждый стручок — литр молока. Все десять литров — в самой большой, десятилитровой банке. Наполним семилитровую доверху; в первой осталось три литра. Теперь доливаем в неё из трёхлитровой банки два раза по три. В десятилитровой банке у нас стало девять литров, в семилитровой — один, а трёхлитровая — пустая. Так?

— Ну так...— сдержанно ответил Фимка.

— Дальше перельём этот один литр из средней банки в маленькую, а из большой напомним среднюю. Что получается? В большой осталось два литра, в средней — семь, в маленькой — один. Так?

— Ну так...

— Теперь из средней доливаем доверху маленькую. Значит, в средней осталось пять литров. Вот и всё! Осталось только перелить из маленькой банки три литра в большую, где уже было два литра, вот и выходит, что в ней тоже стало пять литров!

— Верно,— скупо произнёс Фимка.— Да она и не трудная, эта задача. Просто сообразить надо.

— Понимаешь,— возбуждённо начал Серёжа,— я сперва подумал...

— Смотри! — перебил его Фимка.— Ястреб!

Серёжа поднял голову:

— Где?

— Да ты не туда смотришь!

Фимка подполз на коленях к Серёже, протянул руку перед самым его лицом, как бы целясь в ястреба указательным пальцем:

— Во-он, над школой сейчас летит!

— Ага, вижу!

Они отползли к ближайшей ёлке, не спуская глаз с ястреба.

— Как плавно летит,— приглушённо сказал Фимка.— Расправил крылья и не машет ими совсем. Иди ближе ко мне,— он потянул Серёжу за рукав,— вот за эти ветки.

Серёжа послушно прижался к Фимкиному плечу.

— Смотри, к ферме полетел!

— Добычу себе выглядывает.

Ястреб сделал над фермой круг, но, должно быть ничего не высмотрев, полетел к сухой ели.

— Давай-давай! — зашептал Фимка.— Давай садись! Там тебя давно уже ждут.

Серёжа напряжённно следил за ястребом.

— Сел!

— Чего он там тянет! — нетерпеливо воскликнул Фимка.

— Пусть прицелится как следует.

— Целый час целится. Опять улетит!

Раздался выстрел.

Серёжа с Фимкой выскочили из-под ёлки.

Ястреб, тяжело махая крыльями, летел прямо на них, с каждым взмахом крыла опускаясь всё ниже и ниже.

— Попал! — не своими голосами завопили ребята. — Ранил!

Ястреб, не перелетев оврага, свалился на землю возле изгороди.

Фимка с Серёжей побежали к нему. По другому склону, размахивая ружьём, мчался Антипка и кричал срывающимся голосом:

— Держите ястреба! Хватайте его скорее! Он раненый!

Не добежав до ястреба нескольких шагов, все трое остановились.

Легко сказать — «хватайте»! Как его схватишь — вон он какой страшный, взъерошенный. Того гляди, вцепится когтями.

Лапы у него, видать, сильные — толстые, лохматые, как будто поросшие мхом.

— Эх, жалко, ещё одного патрона нет! — воскликнул Антипка, но тут же осекся.

Ещё несколько минут назад этот ястреб вольно и гордо парил высоко в небе, вызывая страх у птиц и ненависть у людей. А сейчас он, концом крыла касаясь земли, беспомощно прижался к нижним жердям изгороди, вздрагивает всем телом, затравленно крутит головой.

— Знаете что, давайте возьмём его живым, — предложил Антипка. — Пусть живёт в клетке.

Легко сказать — «хватайте»! Как его схватишь — вон он
какой страшный, взъерошенный.

— Верно, внучек,— поддержал Антипку подошедший дед Никанорыч.— Редкий экземпляр, таксать. Для кур он теперь не опасен. Так что, можно сказать, молодцы, ребята!

— Это Антипка молодец,— сказал Серёжа.— Попал всё-таки.

— Случайно! — возразил Фимка.

— Случайно или нет, а попал! — усмехнулся дед в бороду.— Ладно, я придержу его палкой, а вы хватайте за крылья.

Дед Никанорыч прижал птицу палкой к изгороди. Антипка с Серёжей, изловчившись, схватили ястреба за концы крыльев и, растянув их на весь полутораметровый размах, потащили хищника в деревню.

Впереди шёл Фимка с ружьём, позади неторопливо шагал дед.

— Знаете что, ребята,— оглядываясь, весело говорил Фимка.— Давайте отнесём его ко мне во двор. Пусть там живёт. У нас как раз есть подходящее место— между сараем и оградой закуток. Ты ведь знаешь, Антипка?

— Знаю.

— Сколотим ему клетку, и пусть живёт, правда? Ребята со всей деревни сбегутся смотреть. Станут спрашивать, кто его подстрелил...

— Скажем, вместе,— перебил его Антипка.

— Как вместе? Выходит, ты ружьё держал, я целился, а Сергей на спусковой крючок нажимал? Так, что ли?

— А нечего и объяснять, как да что,— возразил Антипка.— Вместе — и всё!

Глава десятая ■ НА ПОКОСЕ

Первый день ястреб ничего не ел и не пил.

— Сдохнет он у нас,— с сожалением сказал Фимка.

— Привыкнет — будет есть,— ответил Серёжа.— Тебя посади в клетку, ты небось тоже от страха есть не захочешь.

— То человек, а то птица,— возразил Фимка.

— Ладно, ладно, завтра посмотрим,— примирительно проговорил Антипка.

На следующее утро, наскоро позавтракав, Серёжа прибежал к Фимке.

Фимку и Антипку он нашёл возле клетки с ястребом.

Оставленный на ночь кусочек сырого мяса был съеден, воды в корытце тоже стало меньше.

Фимка прибывал к клетке кусок доски.

— Дырка тут большая, может уйти,— пояснил он, изо всей силы ударяя молотком по гвоздю.

Ястреб сидел, прижавшись в углу. Он только крутил головой и вздрагивал при каждом ударе молотка.

— Теперь всё в порядке,— удовлетворённо сказал Фимка, пробуя оторвать прибитую доску.— Теперь нет тебе, горбоклювый, отсюда выхода.

— А ведь правда у него клюв как будто с горбом,— сказал Антипка.

— Давайте назовём его Горбоклювый? — предложил Серёжа.

— У птиц имён не бывает,— возразил Фимка.

— Ястреб не курица, его можно назвать,— сказал Антипка.

— Ну ладно. Горбоклювый так Горбоклювый,— согласился Фимка.

Занятые ястребом, ребята не заметили, что во двор вошёл дядя Антон — бригадир мичашорской комплексной бригады.

— Вот вы где! — громко сказал он. — Я с ног сбил, искавши вас. — Он заглянул между дощечками в клетку. — Никак, у вас тут живой ястреб?

— Ястреб, — ответил Фимка. — Мы его вчера сбили. Он с фермы кур таскал.

— Молодцы, ребята, — похвалил бригадир. — Я ведь вас вот зачем ищу. Хотите верхом поездить, а заодно и колхозу помочь?

— Конечно, хотим! — в один голос закричали Фимка и Антипка.

Серёжа молчал. Он тоже хотел и на лошади верхом покататься, и колхозу помочь, но только одна беда — ему никогда не приходилось ездить верхом.

— Дело вот какое, — продолжал бригадир. — Наши колхозники сегодня гребут сено возле Турипоза. Вы там бывали, знаете: местность там — кочки, кусты. В общем, машину туда не пошлешь, приходится копы возить на лошадях.

— Мы поедем, дядя Антон, — сказал Фимка. — Вывезем.

— Поедешь с нами? — спросил Антипка Серёжу.

— Поеду... — неуверенно ответил Серёжа. — Только если вы не очень быстро...

— Ну вот и хорошо, — обрадовался дядя Антон. — Значит, договорились. А то я с самого утра хожу думаю: кто будет копы возить? Вдруг у ребят свои какие неотложные дела. Лошадей возьмёте на конном дворе. Хомуты и верёвки уже увезли на телеге. И побыстрее добирайтесь, работнички, — улыбнулся он.

Фимка и Антипка весело шагали к конному двору, заранее радуясь возможности промчаться вскачь до самого Турипоза. Серёжа и радовался и побаивался. Как верхом на лошадях ездят — он только в кино видел. А у него-то получится или нет?

А у Фимки перед глазами уже плясал, перебирая ногами, стройный гнедой конь — самый быстрый конь в колхозе. Недаром у него и кличка «Лихой». «Интересно, как догадались ему такое имя дать? — размышлял Фимка. — Кто мог заранее, когда он был маленьким жеребёнком, угадать, что этот конь будет самый быстрый в колхозе?»

Фимка вошёл в конюшню уверенно и деловито. Сразу видно, что он тут свой человек.

По стенке на деревянных колышках висела сбруя: на одних хомут и уздечка, на других только уздечки.

Под каждым колышком была табличка с именем лошади: «Смелый», «Быстрянка», «Буян», «Ясная», «Ласточка», «Физкультурник»...

Фимка сразу подошёл к колышку с табличкой «Лихой» и снял уздечку.

С двух других колышков уздечки снял Антипка. Серёжа прочитал под ними: «Сивко» и «Рыжко».

— На, поддержи, — сказал Антипка, подавая одну уздечку Серёже, и со второй зашёл в стойло, в котором стояла белая лошадь.

Он вывел лошадь из стойла и передал уздечку Серёже:

— Выводи Сивка на улицу.

Серёжа осторожно взял лошадь под уздцы, и Сивко спокойно пошёл за ним.

Вскоре во дворе показался и Антипка с рыжей лошадью.

Фимка вышел последним. Он вёл высокого беспокойного коня, серого в яблоках, с белым, сверкающим, как звёздочка, пятнышком на лбу.

Фимка ласково похлопал коня по крутой шее, закинул поводья через голову, ухватился за длинную волнистую гриву, присел и ловко вспрыгнул ему на широкую спину.

Конь замотал головой, заплясал на месте.

Фимка развёл локти, ослабил поводья, потом ударил босыми пятками коню в бока.

— А ну, поддай! — крикнул Фимка.

Лихой присел на задние ноги, откинул голову, громко фыркнул и рванулся с места галопом; из-под копыт брызнули комья земли.

— Здорово! — с завистью проговорил Серёжа, глядя вслед Фимке.

— Что здорово? — спросил Антипка.

— Здорово Фимка поскакал.

— Подумаешь! У нас все ребята так ездят.

— Все?

— Ну, почти все.

— И ты тоже?

— Могу и я.

Фимка мчался уже далеко впереди. Только слышался частый стук копыт, развевался длинный хвост Лихого да вздувалась, как воздушный шар, на спине у Фимки его белая рубашка.

— Ну ладно, хватит тебе на него смотреть, — сказал Антипка, повернувшись к Серёже. — Ставь одну ногу — вон эту, левую, — мне на руку, хватайся за гриву и садись.

Как только Серёжа взобрался на Сивко, тот сразу стронулся с места.

Серёжа схватился одной рукой за поводья, а другой за гриву.

— Тпру-у!

— Ты не бойся, не бойся, она смиренная, — подбадривал приятеля Антипка. — За гриву не держись, возьми обеими руками за поводья. Сиди прямо, не пригибайся. А как рысью поедешь, откидывайся немного назад. Так меньше трясёт.

Антипка подвёл своего Рыжка к изгороди, влез на верхнюю жердь и с неё легко перебрался на лошадь.

Поехали тихо, шагом. Лошади шли рядом. Фимка давно скрылся из глаз. Он, наверное, подъехал к

Иньве, а может быть, он уже и за Иньвой, если нигде не останавливался.

Ох, как хотелось Антипке вдарить Рыжку под бок и помчаться, как Фимка! Но нельзя оставить Серёжу одного: он дороги на покос не знает и на лошади сидит, переваливаясь с одной стороны на другую, того и гляди, свалится.

Когда они подъехали к броду, Серёжа держался на лошади уже более уверенно. Разбрызгивая воду, лошади перешли на другую сторону речки.

Вдоль берега протянулись широкой полосой пышные высокие кусты ивняка. Из-за них даже самой речки не видно.

За кустами раскинулись луга. Кое-где среди ровного бескрайнего луга возвышаются одинокие пушистые черёмухи.

— Давай немного рысью проедем, — предложил Антипка.

— Давай, — нерешительно согласился Серёжа.

Антипка дёрнул поводья, Рыжка рванулся вперёд. Сивко тоже побежал. Серёжа откинулся назад, крепко сжимая поводья. Антипка то и дело оглядывался назад и подбадривал товарища:

— Давай, давай! Так! Хорошо!

Проскакав метров двести, Серёжа почувствовал, что сейчас свалится, ноги у него занемели, руки дрожали от напряжения.

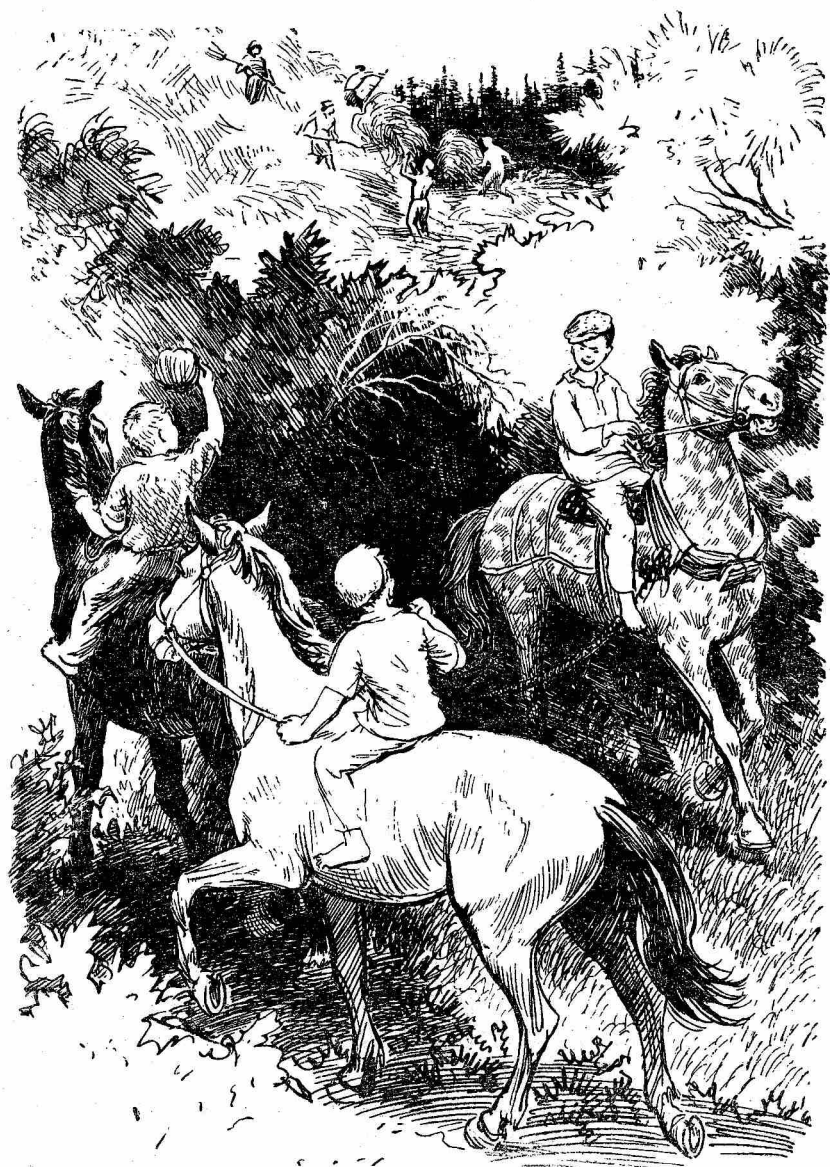
— Хватит, Антипка! — крикнул он.

— Что, боишься? — спросил Антипка, останавливая Рыжку.

— Да нет, не боюсь. Ноги с непривычки устали.

— Это бывает. Ну ничего, теперь близко, всего с полкилометра осталось.

Ближе к болоту стали чаще попадаться кусты, невысокие берёзки и липы, редкие прозрачные ёлочки. Пошли кочки, топкие места. Запахло сеном. Невдалеке слышались голоса людей.

Вдруг из-за высокого ивового куста выскочил Фимка
на Лихом.

Вдруг из-за высокого ивового куста выскочил Фимка на Лихом. Он рысью объехал вокруг Антипки и Серёжи и на ходу насмешливо крикнул:

— Приплелись? А я за шестой копной поехал! — и снова скрылся за кустами.

Антипка и Серёжа остановились возле большого стога, который двое колхозников складывали вилами на две большие срубленные ёлки.

— Зачем сено складывают на ёлки? — спросил Серёжа.

— Для того, чтобы зимой по замёрзшему болоту на них, как на полозьях, можно было весь стог за один раз вывезти трактором, — пояснил Антипка.

Серёжа слез с Сивка и еле устоял на онемевших ногах. Он потёр колени, походил немного, и колотьё в ногах постепенно прошло.

На шею Сивка и Рыжка надели хомуты, к хомутам с одной стороны привязали за один конец длинную толстую верёвку.

Оказалось, что возить копны не такая уж большая хитрость. Объезжаешь копну на лошади кругом, обматывая её верёвкой. Как объедешь, так к хомуту привязывают второй конец верёвки, и знай вези. Только посматривай, на кочки не наезжай, а то наедешь — и, глядишь, копна осталась на кочке.

Серёжа быстро постиг всё это, и они с Антипкой дружно принялись за дело.

В полдень колхозники собрались к стогу, достали из кустов сумки с едой, туески с квасом и тут же, в тени стога, расположились на обед.

Фимка и Антипка с Серёжей слезли с лошадей, пустили их пастись по покосу, а сами завалились в мягкое сено.

— Ой, что же это мы? — спохватилась одна женщина. — Сами едим, а про ребят забыли. Натё-ка, милые, хлебца. Вот вам ещё по яичку.

— Да нет, тётя Даша, спасибо. Мы не хотим,— начал отказываться Антипка.

— Берите, берите, ребята, на работе всегда есть хочется.

После обеда, по обычаю, решили отдохнуть. Одни сидели разговаривали, другие, привалившись к стогу, дремали.

Мальчики тоже прилегали отдохнуть, но уже через несколько минут Антипка начал ворочаться.

— Что-то не хочется спать,— сказал он.— Пошли лучше ягод поищем.

— Пошли,— согласился Серёжа.— Мне тоже спать неохота. А тут есть ягоды?

— Ещё сколько!— подхватил Фимка и первый вскочил на ноги.

На опушке, с краю болота, кусты низкие и редкие. Но чем ближе к лесу, они становятся выше и чаще. А ещё дальше, за кустами, виднеется тёмный еловый лес.

А вон и озеро, небольшое, круглое, заросшее осокой. Берегов совсем не видно: в озере осока и на берегу осока. Желтеют кувшинки среди распластанных на воде широких листьев.

Но почему там зашевелилась осока? Ведь ветра нет.

Ах, вот оно что! На маленькое круглое окошечко чистой водной глади, каким-то чудом оставшееся посреди травы, выплыла серая утка, повертела головкой, осторожно оглянувшись по сторонам, проплыла через окошко к противоположному берегу и снова юркнула в густую траву. За ней быстро промелькнули растянувшиеся цепочкой пушистые коричневые комочки — утята. Один миг — и снова их не видать, только там, где они пробираются, шуршит осока.

— Наверное, тут их гнездо,— тихо проговорил Серёжа.

— Тут их много живёт,— отозвался Антипка.— Только в траве редко когда увидишь.

Вокруг оглушительно стрекотали кузнечики. Их стрекотание заглушало все другие звуки, и в ушах от него стоял звон. То там, то здесь зелёные кузнечики неожиданно выскакивали прямо из-под ног, пролетали, расправив крылышки, метра два-три и падали в зелёную траву.

Возле леса кузнечиков стало меньше. Вдруг откуда-то из тёмных ёлок послышался частый гулкий стук: тук-тук-тук-тук.

— Дятел,— объяснил Антипка.— Серёжа, иди сюда, поешь жимолости.

Серёжа сорвал с невысокого кустика несколько тёмно-синих продолговатых ягод, бросил в рот и тут же скривился:

— Ох и кислятина же...

— Смородина слаще будет,— согласился Антипка.— Давай поищем смородины.

Они вошли в лес. Сразу потемнело, стало прохладней, появились комары. На покосе их не было.

Большой куст смородины рос под высокой ёлкой. Антипка раздвинул руками густую листву. В середине куста на голых ветках висели крупные гроздья сверкающих красным соком ягод.

Серёжа горстями запихивал в рот сочную, кислую, но слаще жимолости смородину и, отбиваясь от комаров, хлопал себя то по щеке, то по шее. Вдруг он услышал доносившийся с вершины ёлки странный негромкий звук: цык-цык-цык...

— Кто там цокает? — спросил он Антипку.

Антипка прислушался. Сухое, резкое цоканье не умолкало: цык-цык-цык... На ёлке никого не было видно.

Ребята обошли ёлку вокруг.

— Ой, смотрите, подосиновик растёт на сухом су-

ку! — удивлённо воскликнул Серёжа, снимая с сучка небольшой гриб.

— Да это же белка цокает! — догадался Фимка.

— Конечно, белка, — подхватил Антипка. — Она на зиму запасы готовит.

— Вот она! Вот она! — закричал Серёжа, увидев торчащие из-под толстого сука рыжие мохнатые ушки и острую мордочку.

Белка, видно почуяв, что её заметили, замерла.

— Давай спугнём, — предложил Фимка. — Посмотрим, как она поскачет.

Он поднял с земли палку и стукнул по стволу ёлки, на которой сидела белка. Белка зацокала громче прежнего и, сверкнув красным боком, взлетела вверх, потом метнулась на соседнюю ёлку метров за шесть, с той на третью, с третьей на четвёртую и скрылась в густых ветвях.

— Пошли, пора уж снова за работу, — сказал Фимка.

На лугу ребят встретил дед Никанорыч:

— Ну, братцы, пошевеливайтесь побыстрее. Кабы дождь не начался. По воздуху чувствую, сыростью потянуло. К дождю это. Надо стог сметать, такскать, до выпадения осадков. Да поначалу сгоняйте, ребятки, лошадей на речку, напоите.

Фимка умчался вперёд.

Серёжин Сивко, видимо не желая отстать от Лихого, тоже пустился рысью. Серёжа его не сдерживал. Он вдруг почувствовал, что приноровился к бегу лошади и уже не сваливается и не сползает ни вбок, ни назад, и тут его охватила такая радость, что он дёрнул уздечку и крикнул:

— Но, но, Сивко!

Лошади перешли в галоп.

Фимка обернулся на скаку, и Серёжа с Антипкой увидели, как снисходительная усмешка на его лице сменилась удивлением.

Лошади пили долго, вытянув длинные шеи и припав к воде. Они громко фыркали и обмахивались хвостами.

Антипка, кивнув на Серёжу, повернулся к Фимке:
— Видел? Научился Сергей-то...

Фимка пожал плечами:

— Чего ж тут такого?

Глава одиннадцатая ■ Я ЖЕ ГОВОРИЛ...

Каждый раз, когда сосед Фимки, колхозный шофёр дядя Егор, заезжает домой пообедать, Фимка выскакивает на улицу и сломя голову бежит к машине.

Пока дядя Егор обедает, Фимка с ведром сбегает к ручью, нальёт воды в радиатор. Часто бывает он и в гараже: помогает шофёру подкачивать колёса, ездит с ним к реке мыть машину.

— Быть тебе, Фимка, шофёром,— говорит дядя Егор.

Иной раз, когда дорога ровная и не видно встречных машин, дядя Егор и Фимка меняются местами.

В первый раз дядя Егор сам держался за баранку, помогая Фимке рулить, а потом он только сидел рядом и подсказывал, как и что нужно делать.

Все эти дни Фимку так и распирало от желания сказать Серёже про то, что он умеет водить машину. Тот бы просто лопнул от зависти! Понял бы тогда, с кем имеет дело! Но сказать об этом ни с того ни с сего было бы глупо, а удобного случая разве дождёшься?

Фимка был дома, когда затарахтела трёхтонка. Он выглянул в окно.

Машина подошла к дому дяди Егора и, чуть свернув с дороги, остановилась недалеко от оврага.

Дядя Егор заглушил мотор, выскочил из кабины и, оставив дверцу открытой, широко зашагал к дому. Было видно, что он очень спешил.

Фимка хотел уже бежать на улицу, но тут он увидел, как из ворот Антипкиного дома выбежали Антипка и Серёжа.

— Дядя Егор! Прокати-и! — закричал Антипка.

— Залезайте в кузов, я сейчас, — ответил дядя Егор не оглядываясь.

Мальчишки мигом вскарабкались в кузов.

Видя такое дело, Фимка вышел из дому не спеша и вразвалку, засунув руки в карманы, пошёл к машине.

Вдруг ему показалось, что машина медленно тронулась с места. Фимка вгляделся пристальней. Так и есть!

«В овраг скатится!» — мелькнула у Фимки тревожная мысль, и, как будто кто в спину его толкнул, бросился он к машине.

— Ребята! Прыгайте! — отчаянным голосом закричал Фимка, а сам вскочил на подножку и, чувствуя, как машина с каждым мгновением набирает скорость, метнулся в кабину, вцепился руками в руль.

Краем глаза он успел заметить, что ребята не прыгнули, а, испуганные и растерянные, стоят в кузове, ухватившись за передний борт.

Фимка изо всех сил нажал на ножной тормоз и круто повернул руль вправо, потом ещё и ещё...

Машина резко сбавила ход, накренилась на левый бок и, описав дугу, вышла на дорогу. Её левые колёса прошли в двух метрах от края оврага.

Фимка сидел, откинувшись на сиденье, всё ещё сжимая руль в руках, а пальцами босой ноги, еле дотягиваясь, он нажимал на педаль ножного тормоза, словно боялся, что и здесь, на ровной дороге, машина поедет сама собой. Он дрожал от пережитого испуга

— Ребята! Прыгайте! — отчаянным голосом закричал Фимка.

и волнения и меньше всего думал сейчас о том, что Серёжа, увидев его за рулём, может лопнуть от за-
висти.

А дядя Егор, выскочив из дому, уже бежал к ма-
шине.

— Машина сама... покатила...— запинаясь, за-
говорил Антипка.

Шофёр побледнел:

— Это я виноват... Поторопился, на тормоз не по-
ставил...

— Всё нормально, дядя Егор,— сказал Фимка, спрыгивая с подножки на землю. Он уже овладел со-
бой, сунул руки в карманы и насмешливо посмотрел
на ребят.— Что, испугались?

— Испугались! — честно признался Серёжа.

Они с Антипкой тоже спрыгнули на землю.

— Ну, Фимка,— шофёр взял Фимкину руку в свои
широкие ладони и крепко её встряхнул,— спасибо
тебе, брат! Не растерялся, не испугался. Если бы не
ты, загремела машина в овраг, твои товарищи ко-
стей бы не собрали... Так что, ребята, скажите ему
спасибо.

— Ладно, чего там...— краснея, смущённо про-
бормотал Фимка.

Антипка и Серёжа переглянулись.

— Я же говорил, что он хороший парень! — ска-
зал Антипка Серёже.

— Да я и сам теперь вижу,— с улыбкой отозвал-
ся Серёжа.

Фимка вынул руки из карманов и широко улыб-
нулся.

— Ты тоже, Сергей, парень неплохой,— сказал
он.— Ну, а уж про Антипку и говорить нечего — чи-
стое золото!

Все трое посмотрели друг на друга и громко и ве-
село рассмеялись.

Две недели прошли очень быстро, и вот наступил день, когда Серёже надо было возвращаться в Пермь.

Бабушка Матрёна хлопотала с рассвета. Она принесла из чулана плетёную корзинку, сложила в неё банки, завязанные тряпочками, туюски, свёртки, кулёчки.

Заметив, что Серёжа проснулся, она, укладывая всё это в корзину, торопливо приговаривала:

— Вот здесь, милоч, в этой баночке, малиновое варенье, в этой — земляничное, в этой — смородиновое. Вот тут, в туюске, рыжички маринованные. В ельничке, за Косым оврагом, собирала. В кулёчке яички варёные и хлебушек. Дорогой покушаешь. Да не разбей смотри.

— Куда мне столько, бабушка? — возразил Серёжа. — Тут одного варенья за год не съешь...

— Вот и хорошо, милоч. Зимой чаёк с вареньем будете попивать и меня вспоминать.

Серёжа понял, что с бабушкой спорить бесполезно, всё равно заставит взять и варенье, и рыжички, и яички, и хлеб.

Он выглянул в окно.

Ещё вчера бабушка договорила с дядей Егором, что он довезёт Серёжу до железнодорожной станции, а там ему до Перми всего два часа на электричке.

Но, видно, было рано, и дядя Егор ещё не приехал.

В окошке показалась Антипкина голова.

Антипка постучал по стеклу и поманил Серёжу пальцем.

Серёжа выбежал во двор. Там его ждали Антипка и Фимка.

Антипка торжественно протянул ему газетный свёрток:

— На́ вот. Это тебе. Только не поломай.

— Что это? — спросил Серёжа.

— Развернёшь — увидишь, — сказал Фимка таинственно.

Серёжа осторожно развернул свёрток. В газете была деревянная шкатулка. Та самая шкатулка с редкостным журавлиным яйцом. Серёжа раскрыл шкатулку.

Светлое журавлиное яйцо при ярком солнечном свете на подстилке из зелёного мха казалось ещё красивее, чем в избе.

— Это мне? — не веря своим глазам, спросил Серёжа. — И не жалко? Оставь его себе, Антипка. Ведь редкая вещь...

— Возьми, возьми, — настойчиво проговорил Антипка. — Это тебе от нас с Фимкой и дедушкой подарок. И дедушка сказал: «Подари, пусть в городе ребята посмотрят и узнают, такскать, какое бывает журавлиное яйцо».

— Ну спасибо, ребята. Я его в школьный музей отдам. Так и напишу на этикетке: «Журавлиное яйцо. Подарок от мичашорских ребят».

— Вот и хорошо, — одобрительно сказал Антипка. — Мы с Фимкой тоже думаем Горбоклювого в школу отдать. Чего его прятать, пусть вся школа смотрит.

На улице послышался шум подъезжающей машины.

— Дядя Егор едет, — сказал Фимка. — Иди собирайся скорее.

Бабушка Матрёна поцеловала внука в лоб, наказала дяде Егору, чтобы он ехал потише и посадил Серёжу на поезд.

— Всё будет в лучшем виде, — улыбнулся дядя Егор.

Серёжа крепко пожал руку Антипке, потом Фимке и медленно залез в кабину.

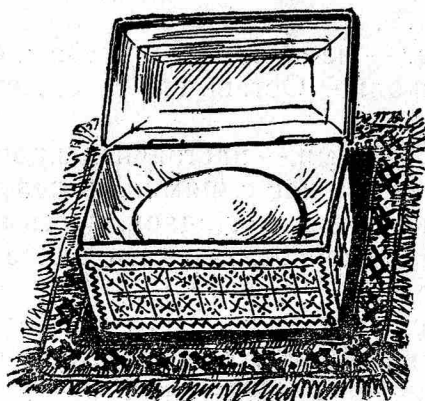
Всем троим было очень грустно, и даже Фимка не скрывал этого.

Затархтел мотор, машина тронулась.

— Серёжа, приезжай на будущий год! — крикнул Антипка.

Серёжа высунулся из кабины и замахал рукой:

— Приеду! Обязательно приеду! И на всё лето-о!

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая.</i> Мичашор	3
<i>Глава вторая.</i> Знакомство	8
<i>Глава третья.</i> Так не честно!	16
<i>Глава четвёртая.</i> Ястреб	21
<i>Глава пятая.</i> Дед Никанорыч	28
<i>Глава шестая.</i> Кто стреляет лучше всех?	39
<i>Глава седьмая.</i> На птицеферме	44
<i>Глава восьмая.</i> Эх ты, растяпа!	52
<i>Глава девятая.</i> Попался	56
<i>Глава десятая.</i> На покосе	62
<i>Глава одиннадцатая.</i> Я же говорил...	72
<i>Глава двенадцатая.</i> Обязательно приеду!	76

Для младшего школьного возраста

Баталов Валерьян Яковлевич

**АНТИПКА ДАРИТ ЖУРАВЛИНОЕ
ЯЙЦО**

Повесть

Ответственный редактор *А. М. Соломонов*.
Художественный редактор *Н. З. Левинская*.
Технический редактор *С. Г. Маркович*.
Корректоры *Л. М. Короткина* и *Л. М. Ни-*
колаева. Сдано в набор 18/11 1966 г. Подпи-
сано к печати 27/V 1966 г. Формат
60×90¹/₁₆. Печ. л. 5. (Уч.-изд. л. 3,68).
Тираж 100 000 экз. ТП 1966 № 392. Цена
24 коп. на бум. № 1. Издательство «Дет-
ская литература». Москва, М. Черкасский
пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 1
Росглавполиграфпрома Комитета по печа-
ти при Совете Министров РСФСР. Москва,
Сушевский вал, 49. Заказ № 3811.

